

СМЕНА

СВЕТОНОСНЫЙ КАМЕНЬ ЧЕРНОЙ ГОРЫ
Не «слово божие»...
ЭКСКУРСИЯ В ЦЕХ ЖИВОПИСИ
Стихи Анатолия Поперечного

№ 10 (888)

МАЯ 1964

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Роман ХАРИТОНОВ,
специальный корреспондент
«Смены»

Фото **Сергея ПЕТРУХИНА**

Вожак

Валя ставит вопрос ребром,

Валя в трубку кричит:

— Добро!

Что?

Без работы бригада сидела!

Сейчас позволю и узнаю, в чем дело!

— Мне Карабасов.

А, Карабасов!

Сколько вышло машин на трассу?

Звонись, и все, как горох о стенку!

Почему нет машины у Глуховченко?

Какой?

Да самой простой, на колесах!

Нет!

Не будет больше вопросов!

Парень в бушлате смущенно топчется:

— Мне б на работу.

На стройку хочется.

Входит второй:

— Просту вас, скажите,

Могу проноситься я в обещания?

Меня товарищи к вам послали...

Нету локоя Шабуровой Вале,

Да и не идет она покой,

Валя работает без простоя.

И для меня у нее есть работа:

— Прочтите письмо

Если сможете, дайте с Черноморского флота.

Я очень прошу вас: вы же — поэт.

Письмо черноморцев

«Здравствуйте, Валя.

Вы нас извините,

Что оторвали Вас от работы,

Но «по-граждански» еще строите!

В нашем кубрике каждый четвертый.

Поверьте, что мы ребята не хилые,

Нами доволен даже ваш мичман.

И к вам,

на ударную стройку химини,

Приедем работать, а не химичить.

И дело не в том, что романтика в моде,

А в том, что соскучились мы по стройке.

Это письмо мы Вам пишем в море,

Простите нас за корыстные строки.

Саужить нам осталось всего три месяца,

И Ваш ответ будет очень кстати.

Мы мечтаем приехать все вместе

В город, которого нет на карте.

Давно перестало для всех быть секретом,

Что дуня моряков богата.

До свиданья.

С большим комсомольским приветом

От всех моряков

Григорий БОГАТИНОВ

г. Севастополь.

И писем похожих большая стопка,

Местной ночью хватает груза:

Простятся комсомольцы на стройку

Со всех уголков Союза.

И Валя смущенно и виновато

Мне поручал писать ответ.

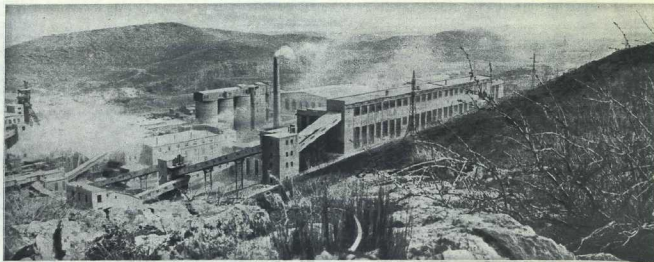
Вы извините Вале, ребята,

У Вале минуты свободной нет.

Виктор Мантель —
бригадир проходческой бригады.

ПОЭТИЧЕСКИЙ
РЕПОРТАЖ
СО ВСЕСОЮЗНОЙ
УДАРНОЙ
КОМСОМОЛЬСКОЙ
СТРОЙКИ

СОДВЕТОРЫ ПОД КОММУНИЗМУ

Каратау—Черная гора

Это город ветров и солнца,
Этот город, пожалуй, не сразу,
Здесь прохладат верблюдам сонно
И гуляют тяжелые «МАЗы».

Это малый пока еще город,
Больше города — хинкомбинат.
Но, мне кажется, Черные горы
Подальше уже чуть назад.

Здесь живут чудесные парни,
Здесь живут и в уют с вывалом.
Фосфориты черные камни
Называют здесь хлебным камнем.

И на ушах встретишь не часто,
Чтоб прошептал кто-то очей чистей,
Перепацано даже начальство
И московские журналисты.

Сотрясает взрывами город,
Профилируют в горах террасы.
Сотни тонн самой мощной породы
Подняв в воздух Иван Тарасов.

Город строится от вокзала,
Город строится очень трудно.
Биографию здесь начинала
Год назад Подтёхова Людя.

В сапожках и потертых варежках,
Людя смотрит наивно-строго.
Уважает Людю товарищи,
Людю выбрали группкомсоргом.

У Людям в глазах романтика,
Ей доверила дело эпоха.

Все отлично, но вот математика
Людю в школе дается плохо.

Только в сказках бывает такое:
Взмах руки — и дворей готов,
У Подтёховой под рукою
За год выросли пять корнуса.

Летом зной и земля сухая,
А зимой бурован страхи,
До сих пор еще в малахаих
Ходят здесь степняки-казахи.

Здесь от мужества люди гордые...
Только кажется очень странным
Здесь весной, когда над городом
Горы красные от тюльпанов.

Горный воздух, Грава весения.
И весной был на самом деле
Городской приток населения —
Восьмьюсот человек в неделю.

И разводит руками Жабасов,
Председатель горисполкома:
«Никаких не хватят запасов,
Чтоб устроить здесь всех, как дома.

Телевизорная мастерская
Альш ведалю назад открыта,
А с жильем здесь проблема такая:
Общезитие битком набито.

Но пусть едут сюда иностранцы —
Им оплачатся только ишаки,
Пусть приходят они на танцы
В воскресенье в клуб «Горняк».

Иностранцев асфальтом гладким
Пусть помчит машина Булатя
На строительство промплощадок,
Где работают ваши ребята.

Там ступителю, как реакторы,—
Водопад труб уходит кверху.
Здесь работает только совторгм,
Да, совторгм по коммунизму.

Монтажники

У монтажников дело такое:
Можно небо достать рукою
Или можно у самого неба
Варуд повиснуть ввинз головою.

Все монтажники темполярные,
От брезентовых роб космональные.
Управляющий Владлаидский
Называет их космонавтами.

Леонид прочтет, уамбнется,
Скажет:

«Ну, завернула потюль!
И опыта поднимается в солацу,
Захватив с собой инструментом.
Этот там — в высоте гудидей,
Подняев плечом стратосферу,
Буадо формулау для настощего,
Прямо в небо аписал он фермы.»

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ
Год издания сором первый
Выходит два раза в месяц

10 (888)

МАИ
1964

Это, и понимаю, мастер!
Перекроет он норму ятров.
Он,

Амоско,
еще в Доббассе
Комсомольские шутки строил,
Знает всех монтажников стройки,
Знают всех их не по полу-лутру:
На два месяца равные строил
Сдала парня электрофальтур.

И пусть мне не поверят кто-то,
Только это совсем не жалутра.
Это — две недели работы
И всего лишь два перекурка.

Каждый здесь монтажник по своим,
Нет в бригаде людей случайных,
И Балжеев Матвей Петрович —
Самый главный для них начальник.

Их начальник весел и молод,
И работают с полной нагрузкой
Смелых.

Трещуловый молот
Здесь для многих будто игрушка.
Кто себе на сверлилку вкладывает —
Это вовсе еще не вкладчики,
Вот кто по двое суток вкладывает
И всего себя в дело вкладывает,
Это вот настоящие вкладчики.
Это вкладчики.

Не растратчики.

Три друга

«А-а, начальник смеет!
Он живет в «президентском»,
Посмотрите туда...

Кстати, вот он... Вон в том белом доме.
Ну, тот вон...

... в куртке брезентовой!
Неуждеи вы с ним до сих пор не знакомы?
Вот он, значить, какой...

... этот Юрий Лейжак,
О котором здесь ходят легендарные слухи,
И как странно в рабочей его одежде
Эти модные остроносые туфли.

Он сегодня усталый
и кажется шумным,
Но у смельных усталость прохладит скоро.

Их три друга:

Алена,
Анатолий

и Юрий,
«Музыкатеры» дружат очень давно.
Что прочнее дружба
на этом свете?

Если с женщиной двое уйдет в явню,
То с детства останется третий.

Он вакорнет детей и уложит спать
Повзлежлив, чем нимя жондрина.

Если можно шарман детей доверять,
Значит, все им в мире заперено.

Им доверен вот этот
... необычный край,
Где ветра и бураны круты.

Но смелее,
... чем самый сверхсмелый край...
Р У К И

Юрий гнев свой удерживает едва:
«Поздравляем... все сделано наспех!»

Да, и самый уж, что не раз и не два
Спорил он с проехантами насмерть.
Соколов Алексей —

... великая в очках,
И на что уж характер железный,
Но и тот

в не совсем акуратных словах
Вспомнил всех ризикалеса из Пензы.
«Это ж надо додуматься!»

... Фальтур не те
По ошибке сюда заслали!

Вот бы взять
и назад бы «фальтур» не те
На горбу их нести заставят!
И, ругаясь отчаянно,

... грядя Соколов...

Когда цепи в сушильной печи порвали,
Парни в цехе сидели сорок часов.
А точнее сказать,

... в цехе прождали.
Но я видел, как Юрий валит орбеса,
Когда Валя Бесчастных вошла с вопросом:
«Ты куда Анатолей,

Юрий, деа!
Ну, конечно, останься обить на насосах!
И когда это кончатся!

... Ты не криви!»
И для Юрия шутка — последнее средство:
«Вот попробуй подальше, полт, пожелай
Ты с женщиной метанка по соседству».

Сколько правды и смел у этих ребят!
С ними можно ходить бм и в бой рукопанной,
Комбинатом химического руководит
Мастера молодые:

... студенты вчерашние.

Здесь хвастет большого дела для всех,
И ребята крепко за дело берутся,
Равные срока наль в срок зарабатываши цех —
И есть продолжение революция.

Художницы

Поет девушка-штукатур,
У декуатурн чудесный голос.
Они наводят красоту

Не на лице —
... на стенах голых.

То валут подают тонкий шпатель,
То валут работают мизками,
И как точны и музыкальны
Движения их и несия их.

Для них стаа краскам раствор
Они волшебницам как будто,
И неуловима Черных гор
Девчонки делают уютом.

Давно-давно, но были дни,
Когда они ревяи револал,
Ведь ничтожеством они
Выгчала делать не умели:

Ни штукатурить потолка,
Ни даже суи сварить, как валдо.
Подмучивали остриси
Над этой палачушей бригадой.

И кто тогда подумать мог,
Что из девчонки будет толк,—
Они умели только охать,
Но терпеливым быа, как бог,
Их бригадар — Иван Алексий.

Все шутки только до поры,
Девчата время брали штукатуром —
Уже не только штукатуром —
Они еще и маляры.

Теперь девчата нарастают,
Их хвалят юности и востания,
А от бригады «детский сад»
Осталась только кукака Катя.

Девчонка замуж выдала,
А кукака — прежнийо зазнайка,
Все рожко на руки берут,
Все немилую у нее холаню.

Как обойтись без громых фрыз,
Как не хвалить девчонку снова,
Хоть и увидела только раз
В работе Анну Арчакову.

И кто над ней острял вчера,
Сегодня перед ней немеет:
Работать девчонки умеют,
Они большие мастера.

Для них стаа краскам раствор,
Они волшебницам как будто,
И неуловима Черных гор
Девчонки делают уютом.

Землепроходцы

В бригаде двадцать шесть ребят,
Все двадцать шесть гордится
Тем, что вольного еста бригада
На равных с их — горняцкой.

С шахтерской лампою над лбом —
Ни дала, ни взять хирурга.—
Они с заботой и добром
Относятся друг к другу.

Друзья
... они не за столом,
За праздничными стопками,
Они с обшюным молотком
В глубиз земля протокала.

Чтоб жить с любовью их большой,
Чтоб мерить ихней мерой,
Протонать надо над землей
Четыре тыщи метров.

Они валут — и что ни метр,
То заново экзакмен,
В них вид особенных примет,
Они приметны сами.

Экзакмен их не валокан
И без подделок прочли,
Они четыре тыщи раз
Проверены на прочность.

«Классика права вполне:
... Каким вываляют кланово...»

На стометровой глубине
Свой достоянный кланит,
И в пять минут к нему привалы:
Здесь сморо и прохладно.

И, как в лесу, журчит рожник
Со мною где-то рядом.

Бегут туда — бегут сюда
Электроформ с хрустом,
И фобсфоритная руда
Отсечивает тускло.

Романтиком британит
Ониво каждый кланен.
Но нахта здесь,
Здесь бригадар —
Палачистый Виктор Мантелав.

Три года Виктор отсуажива
В дескантий авариан.
Как видно, крепко надо жить,
Чтобы за ним ухватиться.

Живет он сложном судябой,
Как в очень смелом опинте,
То валд земля,
То валд земля,
А на земле лишь в отпуске.

Он говорит, стеснясь нас,
Хота стесняться некого:
«Вот как добыа дескантий класс,
Подамся сразу в техникуму».

А меня нас точит гул,
Вдали гремит отрядом,
Я о бригаде конгруда
Узнал уже немало.

Узнал:
Вначале было так,

Да, было так вначале,
Что этот самый юрочник
Вручил загрузкам,
Те, кто в бригаду понадел,
Жизнь начинала заново.
На испранные Виктор взял
Бейкина Тнуратова.

В бригаде труд,
В бригаде бег,
Согнемерют с веком,
Неважно, кем ты раньше был,
Ты станешь Человеком.

Ошибся — не великий грех,
Схитрил — не жди пощад,
Закон не сложный, но для всех,
Кто понадел в бригаду,
Закон не сложный, но таков,
Что, опуская в лаву,
Камень поднимает горняков
К простоте и честной славе.

Земные штурманы

Шоферы уже по кабинетам сидят,
Секунда через десятк начнется работа,
И сМАЗы — земные пилоты — гуаит,
Как «ту-14»
Перед взлетом.

Шоферы всегда помнят добром,
Шоферы не жмут, пока город проснется.
Разозят они на стекле ветровом
Каждое утро по капельке солнца.

А в Черных горах черной камень лежит,
Черны по дорогам откосы,
Но с Дрезвгергеского «фосфорит»
Переводится — «светоземный».

Я шапку сдерживаю с головы,
Величие стройки меня поражает.
Ах,
Древние греки были правы:
Земля просветляется от урожая.

Бессмысленно строителям вахту несут,
Строителя — штурманам дальнего плавания.
И злость моя попустует правильно,
Когда оставляет домашний уют.

У многих по-флотски распахнут ворот,
Обдуты резким таль-шильским ветром
Темлянским,
хотя до ближайшего моря
Больше тысячи километров.

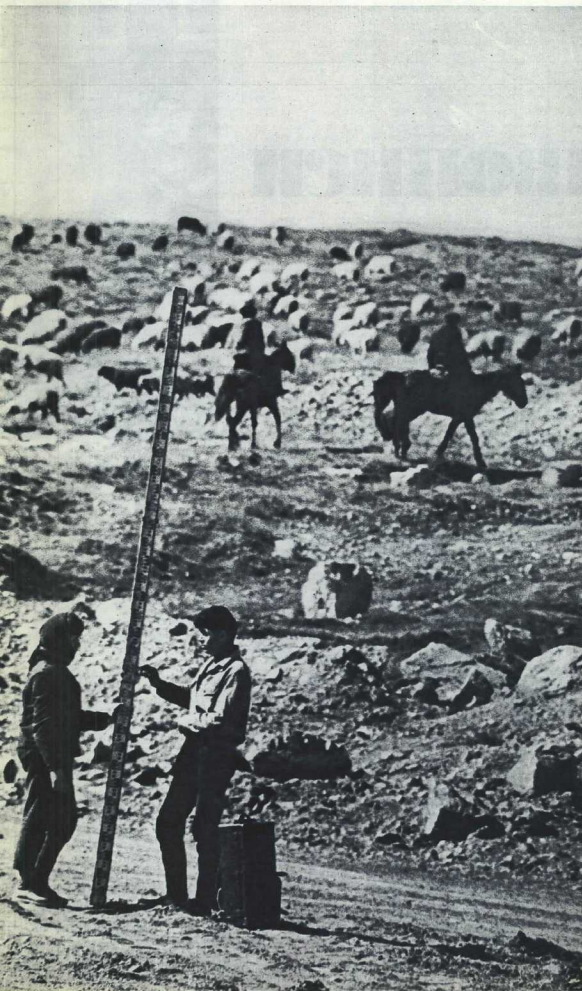
Здесь моряками довольны — вот так!
И неспроста к ним мальчишки тинуют.
Первым Виктор, бывший моряк,
Учит мальчишек матросским танцам.

Виктор в городе — первый яхсун,
Виктор, иструтил меня, смеется:
«Слушай, старик, ты примет принальсуй
В писюме черноморцам
от черноморца.

Черкини мне:
город что надо растет!
Отсаужат и лусть в Каратау тонают.
Здесь тоже любят девчата флот
Начуть не меньше, чем в Севастополе».

Не знаю, какое примут решение
Черноморцы, когда отсаужат положженно,
Но точно такое же прилавление
От каждой стройки усматывать можно.

Всего не расскажешь и в длинном писюме,
До свиданья,
Тригорий Богатиков.
Кто любит работу, тот нужен везде,
А стройками наша страна — богата.

ЦЕХ ЖИТЕЛЕЙ

Охотское море бесконечно, в воздухе висела мелкая соленая пыль. К наветям, на которых мы торчали часа три, поднялся прилив; он уже сжал с меня рыбацкие лодки и между сухие клоchy пены. Было невероятно холодно и досадно, что время уходит зря и машина идет. Мой спутник, с которым нас связывала одна командировка, мальчиш, сухопарый и мелочный художник, этого мнения не разделял. Все три часа он стоял у мольберта. Взгляд адаль — мазок, мазок — взгляд адаль. Остранное его личико поворачивалось рыбакан, как у воробья.

Через полчаса, когда впечатления от пейзажа изрядно поблекли, худож-

ник показал мне тот этюд. В синпидарной тишине мастерской глухо шапелули волны прилива, заблало рыбой, густой солью, ирабыими панцирями — омазаном, тем самым, после которого Черное море — красивая, но безмизненная вода. Усилием трех часов возвратилось. Одетоморье — острое и пронзительнее, чем видим его мы, простые смертные.

Нет ничего грустнее сознания устояющей красоты: промелькнувшая в вагонной оине опушка, красавица у лесного разъезда. Художники «зачеплетт» прекрасное. Как это исстари хорошо, что человек, ивиющий всего дая, иногда очень неопытных глаза, может посмотреть на ниво главами Толстого и Тициана, Лермонтова

и Врубеля, Хемингуэя и Пикассо! Искусство, как и наука, объясняет человека и мир, чтобы их совершенствовать.

Студентами-первокурсниками университетта мы вступили в залы, впервые за многие годы широко распахнутые для Врубеля, Сарьяна, французских импрессионистов. Пылающие краски, обингаи и радуя, хлынули и нам с полотеи. Особоодался от духовных пут, человек обращается и искусству. Иногда в прохладных залах аналемии и Третьяковони мы забывали о начавшихся ленинцах и, признаюсь, не жалели об этом: великие художники учиди нас большею — не зять коитроинсов, зять смело, жадно, стремительно. И в наших еще не вы-

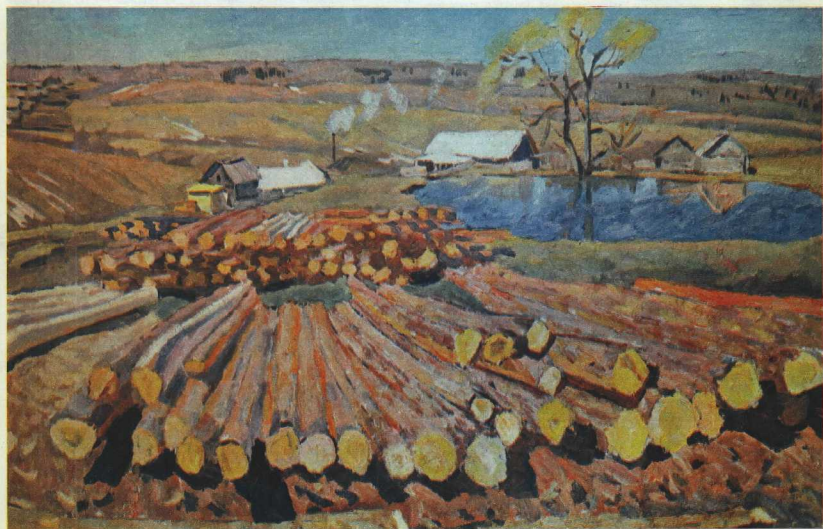
А. СМОЛИН, П. СМОЛИН.
ПОЛЯРНИКИ.

Э. БРАГОВСКИЙ.
КОЛХОЗНАЯ ЛЕСОПИЛКА.

В. ИВАНОВ.
В ПАЛАШЕ, НА ПОКОСЕ.

торый еще не вышел из рамки. Но ведь есть в газетках рубрика «Тихой Идиде», с ее анализом и рецензиями на процесс киношников. И сделать то же самое.

За столом — обедающая семья. В центре — женщина. Ее лицо просто и мимолетно, почти صورتно. Четверо детей сидят вокруг нее. Самый маленький, последний, мальчонка лет пяти. Дозина — из добросовестных работающих музеев, это честно прошло все войны, особых наград не получила — ни полной медалью, ни орденом. Тем, что и то и другое произведение — ждала женщину, матери. А идиот, родившийся в семье, это человек, который вызывает: люди много страдают, работают, борются, но выдохнули, победил, и это стало для него особую внутреннюю красоту.

У Иваново задумано еще несколько полотен разнородного цинга. Есть и ним стюды, но хватает одного — времени.

И еще об одном художнике, современнике Иваново, Корневом, Оссовскому хочется сказать. Зрители знают его по картине «Ветер» и портрету знаменитого художника В. Фаворского. Это Дмитрий Милославский. Путь его в искусстве всегда был ровным, но профессиональная честность не изменила ему никогда.

Сейчас, особенно на Западе, рынок захлестнула масса рваных, неинтересных картин, иногда довольно привлекательных для неискущенного зрителя, но имеющих весьма отдаленное отношение к искусству. Автору этих строк не утрудилась еще поискать новых выразительных средств, не только отвечают и наследие геница. Борьба за техническое совершенство в живописи представляется им трансцендентным или зияющим. Они работают бездумно и быстро. Какие там замыслы сочетания красок, поиски перспективы и рисунка? Такие ситуационные, профанаторские искусство, много не только среди абстракционистов, меньше их и среди «реалистов», у которых и походят черты наших современников в этих, извечных ситуациях — труд, отдых, любовь. Замысел нетерпимый, и художника на этом пути неждат ряд настоящих явлений. «В шажках. На покое» — немыслимо по-лито и вместе с тем правдивый, волнующий рассказ. Сенюнок, пожалуй, свое рабочее время в деревне. Дни стоят ясные, работа не очень тяжела, можно справиться с ее в помысли и остроумии. Женщина берет на понос самое лучшее платок. Вечером занимается на станке гармошки, девочка пляшет, поют частушки. В шажках даюс мушкетера и женщины. В их мирном томе являлся июль. Работа закончена. Во всей картине, в ее структуре, интонации. Женщина в светлом платочке, уме успешная принарядиться, спирид, забаву на губках, свистящую улыбку. Это радость почти безотчетная — счастье иметь, любить, быть. Она задерживает человека полностью, даря ему крылья, растворяя в себе и пыльный запах трав, и розовый сок завета, и ветер огромных просторов, в которых члется перемена времени. Такие мгновения возвращают и очнают.

Сейчас на мольберте у Иваново, в ее нераскрытой картине Маслянина — новое большое полотно. На картине зритель, оно уже закончено. Правда, говорит, что не настолько преждевременно — как о фильме, но

тереную работу Милославского «На берегу». Молодая цветущая женщина с двумя работами под рукой и бассейну, настрелку из из воды поднимает отец. По замыслу все очень просто. Но в картине есть нечто величественных находок — в использовании плоскости. Плоскости — это не человеческого тела. Тонкий зритель искусства Дидро говорил: «кто достиг чуждым телом, кто достиг чуждым, оставшее ничто по сравнению с искусством». Милославский отказался от этой мысли и не стал рисовать. Он пал: некоторые детали его не удовлетворяли. А чувство внутреннего удовлетворения ничто не может заменить — ни быстрый успех, ни деньги. Чувства и удовольствия продвигает и в большом групповом портрете прославивших советских гимнастов. Рисунки, как обычно у Милославского, точен и выразителен, а эскиз намечает на простой, локальной, плоскостной звучные цветовые удары. Смысл судится, настроение, это красное: морщинистый пол, красный ковер, группа гимнастов в светлой форме и в центре — тренер в синем спортивном костюме. Все отлично скомпоновано и «умидено», но сполна еще впереди работы.

***

Итак, мы мейлом заглянули в семь мастерских. И вosome художников. Даже на беглый взгляд, это очень разные люди — по манере работать, по выбору тем, по темпераменту, но объединяет их все же, направленные чужности и нашему времени, зорность профессионального поиска, талантливость и та преданность искусству, которая отличает истинного художника.

Утром, проспавшись, в розовой дынке ворочается земной шар. Так уж устроено чаебанье: манется, если в таком городе, то и на всей земле — утро. Шуршит крылья солнца, выбираться с набивкой тиофанески рыбаки. Загорелые таинственные асы забегают по траву в хитрый кос «Т» (ба). Под носом дождиком бегут в «пони-технику» Ленинградские студенты.

А в Москве дремлет в травалых парни с «ЗИД» и «Красного пролетария». И вместе с этим потоком, проливающим и радостно ощущая его, спешат в мастерские художники. Они спешат и своим мольбертам, чтоб поскорее бросить на полотно кусочек уединенного и потрескавшего их мира. Их день не хронометрирован, продукция своеобразна. Но они тоже работают, работают одного из труднейших наших цехов — живописи.

Вот он, окончательный вариант картины Д. Жаминского «На берегу».

ные скульпторы поселили философские школы, потому что нельзя, очевидно, создать что-нибудь серьезное, не пытаясь осмыслить свое время. Любовь живописный шедевр — символ своей эпохи. Начавшиеся расцвет итальянских городов породил гармоничные и ясные фрески Дотто. Увидевшие Возрождение обрели язык в трагическом гении Микеланджело.

Разные исторические условия, разные уровни дарований, но требовалось — быть вперед своего времени — всегда оставался в силе. Настоящий мастер никогда не становится мелочлив. Отличия и просперные ардекования художника, приходят и нам откровения, подобно тому, как рождаются в науке открытия. Только искусство всегда будет ближе человеку, потому что это тысячи раз повторенный он сам.

У дедушки, герои картин Генри Корнев — «Поднимающий знамя», «Влюбленные», «Интернационал» — тем и черты, по которым можно узнать наших современников. Переисследовать картины Корневых надо добросовестно — их хорошо знают: о тех же полотнах, над которыми он работает сейчас, сказать ничего, потому что художник не показывает их даже самым близким друзьям, пока замесил не будет оформлен (и тому же первый вариант полотна он, как правило, уничтожает).

Генри Корнев, пожалуй, самый интересный середь связанных с мной художников, но известность, отнявшая немало времени, не отняла главное — потребности упорно, самоотверженно работать, не изменяя себе ни в чем. За эту упорность и выносливость Корневых уважают художники самых различных направлений. Им известно только то, что делалось удивительно и честно, — настоящее.

Стремление решить в живописи наичто — важные жизненные проблемы характерно для Виктора Иваново. Мне хочется рассказать о «Ярланском цинке», с которым художника связывают и улы родинки и широкое замысловатое, уходящее на много лет вперед.

Живопись не может показать действие в развитии, как, скажем, роман. Ее дано одно мгновение — во всей его силе и подробности. Надо уметь найти такой момент, где, как в фокусе, собрано прошедшее и угадывается будущее. Виктор Иваново задается целью — провести дорожку ему людей, несомненно разнородных по возрасту, через ряд бытосоветовых состояний — в эти, извечные ситуации — труд, отдых, любовь. Замысел нетерпимый, и художника на этом пути неждат ряд настоящих явлений. «В шажках. На покое» — немыслимо по-лито и вместе с тем правдивый, волнующий рассказ. Сенюнок, пожалуй, свое рабочее время в деревне. Дни стоят ясные, работа не очень тяжела, можно справиться с ее в помысли и остроумии. Женщина берет на понос самое лучшее платок. Вечером занимается на станке гармошки, девочка пляшет, поют частушки. В шажках даюс мушкетера и женщины. В их мирном томе являлся июль. Работа закончена. Во всей картине, в ее структуре, интонации. Женщина в светлом платочке, уме успешная принарядиться, спирид, забаву на губках, свистящую улыбку. Это радость почти безотчетная — счастье иметь, любить, быть. Она задерживает человека полностью, даря ему крылья, растворяя в себе и пыльный запах трав, и розовый сок завета, и ветер огромных просторов, в которых члется перемена времени. Такие мгновения возвращают и очнают.

Сейчас на мольберте у Иваново, в ее нераскрытой картине Маслянина — новое большое полотно. На картине зритель, оно уже закончено. Правда, говорит, что не настолько преждевременно — как о фильме, но

Петр Оссовский работает над эскизом к новой картине.

В. МИХАЙЛОВА

Фото В. ТЮККЕЛЯ

„ЭТО ВАМ

ОСЕНЬ

ведущих, которых вы видите на сминах, — продавщицы отдела готового платья Московского центрального универмага. «Обсобиные, наверно, если о них пишут», — подумает кто-нибудь из читателей. Нет. Обсобиновые. И сессия № 28 ЦУМа, где они работают, тоже, как говорится, самая типичная — одна из многих сотен таких же, ведущих, по словам самих продавцов, «капитанскую торговлю».

Мы идем вдоль стенда музейных демисезонных платьев. Черные, серые, коричневыми, примесью с пестрыми, с разрезами на боках и склад, с рукавами реглан и вышитыми — на любой вкус. Я общаюсь и одной из продавщиц с просьбой рассказать о себе.

— Знаете, мне очень нравится моя работа, — говорит Нина Сундуж. — Ежедневно приходят сотни людей с разными требованиями, запросами. И так хочется, чтобы все осталось довольным покупателем! Сюда одному техникуму, стану товароделом.

Нина вместе с продавщицами сессии, с заведующей Зинаидой Сергеевной Несовой каждый месяц выезжают на предприятия, отбирают товар. Они не только строгие контролеры и крити-

ки, но и, что не менее важно, квалифицированные советчицы ведь продавщицы лучше знают, что пользуется спросом, а что залеживается.

Зинаида Сергеевна знакомит меня с высокими, худощавым парнем.

— Игорь Тимофеев. Наш постоянный представитель на фабрике имени Клары Цеткин. Из-за каждого неудачного пальто всех на ноги поднимет и конструктора, и инженеров, и товароделов, и директора. Принципиальный! Его и на фабрике так называют...

Продавцы сессии № 28 готового платья ЦУМа — частые гости не только на фабриках, но и в Доме моделей на Кузнецком мосту. Влодья Корольков, Нина Сундуж, Гаял Макеева, Катя Чамалая, Игорь Тимофеев — постоянные участники просмотров новых моделей. Они хоть и не «эскимодатели» мод, но должны знать, какие фасоны, тнани будут популярны в следующем сезоне, чтобы иметь право сказать покупателю: это современно, это вам подойдет.

Два раза в год на фабриках происходит «расписание моделей», пример, обсуждение и утверждение массового производства новых образцов. Художники, конструкторы из

Доме моделей, работники фабрик и торговых предприятий подают споры о динишке, выточках, силуэтах пальто. И нередко та или иная модель, по требованию продавцов, заведующих отделами, товароделов сминается с производства.

— Мы во многом ответственны за то, как одеваются люди, — говорит Зинаида Сергеевна. — Часто нас просят: «Подберите пальто сами, я надеюсь на ваш вкус». Такое доверие — самая лучшая награда продавцу. Чтобы оправдать его, мы учимся сами и учим других. Это и есть «активная торговля».

В «Уголке продавца» ЦУМа висит листок с отпечатанными на машинке текстом, который начинается словами: «Законы чести продавца». Я читаю один из законов: «Бойся стать равнодушным». Стараясь, свободное ни одной секунды свободного времени. Из смина складываются часы творчества, учебы, отдыха... Трудись творчески!»

— Так мы и стараемся работать, — говорит Нина. — И до чего приятно, когда встречаешь на улице людей в элегантных пальто, купленных у нас. Встречаешь, как добрых знакомых.

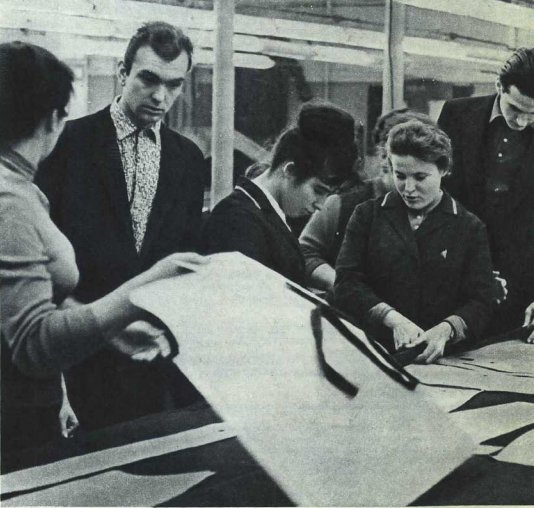
Зинаида Несова заведует секцией. Защищите в журнале секции, что вам хочется купить. Потому в вас дома раздается телефонный звонок: Зинаида сообщает — приходите за костюмом.

Самые модные — в Доме моделей. Сегодня циркулируют последние одиночные образцы, а завтра потребуют, чтобы фабрики дали целые партии новой элегантной одежды.

Сначала посоветуй, что идет к лицу и фигуре. Потом раскрой и калитражи моды. Убыль: это очень едкий похвалит. Так день за днем и работает Нина Сундуж.

Споры на фабриках о фасонах, цвете, качестве изделий стали для продавцов ЦУМа обязательным звеном в технологической цепочке торговли.

Виктор ЛЕВАШОВ

О слесаре Васе Васильеве, министре Алексее Кичинко и о разочаровании в жизни

По утрам, когда только светло, когда Новокузнецк лежал туманен и тих, над крышами его раскатывались слабые громы. Это Тома под истропаным льдом пробовала свои силы. Днем она не была слышна. Днем ее надменно заглушал голос города. Но прошло время, и на много километров окрест раздалась весенние заплы, сеткой трещин покрылись льды, и талые воды вырвались на свободу.

Силан был лед, крепился зима, но ледохода все равно не миновать — такова логика весны.

Сейчас еще пасмурно смотрит на мир Василий Васильев, сейчас еще под сведенным в истропан льдом только-только растет сомнение. Но придет время — и человек сбудется. Я уверен в этом, потому что такова логика жизни.

Кто-то сидели в конторке ТЭЦ, ждали смены, курили, спорили. Пенсионер Иван Захарович Тулубьев горачился особенно — не мог он спойнать:

— Слушай, вот дом у меня есть — тебе отдам, вклад со сбернички, пенсину — все отдам, дай мне твои годы!

И услышав в ответ:

— С удовольствием!

Слова эти принадлежали двадцатипятилетнему слесарю энергоцеха Василию Васильеву.

Об этом, слухом рассказал мне на Зависке молодой инженер, мастер смены энергоцеха Анатолий Садовиков. И мне захотелось узнать, как случилось, что молодой парень, здоровый, сильный, затосковал о пенсине. Подумалось: видно, много горных разочарований выпало ему в жизни...

И вот на стьме смен сижу в конторке сланного мастера. Людно, шумно. Газоверивают о новом фильме, о каких-то своих неурядицах, смеются, договариваются о кинге — прочитать, кто-то рассказывает об отпуске,

о повадках хитрой рыбы харуус... Отворяется дверь, входит среднего роста худощавый парень. И я почти безошибочно угадало: Васильев. Угрюмываю по тому, как робко он прислоняется к стенке, глядит, словно бы чувствуя за собой куйую-то вину, как улыбается чуть заискивающее в ответ на приветствия товарищей по работе. И весь он слишком уж тихий среди веселых, громкоговорящих ребят в робах кочеваров, куртках бригадиров, комбинезонах слесарей.

Толя Садовиков поднимает голову от сланного журнала:

— Ага, вот и Васильев...

Учился... школу не кончил... Служил в армии, потом приехал сюда... Работал Ничего, ирвится... С жильем! Ничего, прилично. Сначала жила в общежитии, потом дали комнату... Зарплата! Ничего...

Говорят, человек от рождения — чистый лист бумаги и жизнь пишет в него то, что сочтет нужным, словно инспектор по кадрам в трудовую книжку.

И вот мы сидим в конторке эмихической лаборатории ТЭЦ, разговариваем втроим: я, Василий Васильев и Анатолий Садовиков. Где-то внизу, под нами, мерное и мощное гудение котлов, от которого чуть дребезжат стекла, разномысленные колбы и холодильники на столах. Из окна видно, как подходят машины, оканчиваются, пустуют и оканчиваются снова проезды стройки. Я пытаюсь понять, какая же из записей в трудовой книжке Василия Васильева оказалась решающей.

Школа, работа, армия, комсомольская путевка — у сотен, если не у тысяч строителей Зависки жизнь шла по такому же язам. По такому же формальным вехам. Но в жизни каждого человека есть и другой «служебный список» — тот ряд событий, иногда внешне очень незначительных, но которые, как говорится, «делают человеку душу».

Такой ряд существует, он не выдуман мною. Именно о нем в дикх говорил секретарь комитета комсомола «Металлургстроя» Саша Азаров, человек, очень твердо идущий по жизни. Он рассказывал:

— Три случая намертво в моей памяти. Первый был давно уж — в пятнадцать или шестнадцать лет, еще учился в школе. Жили мы в горах, недалеко от дома была канатная дорога для пшаваров. Как-то сидели с ребятами у края ее, боловались. То ли я отступился, то ли еще как-то, но оказалось вдруг, что повис на тресе над ущельем, а подо мной метров двадцать, камни. От страха, от немощности ослаб. Надо бы подтянуться, зацепить ногу за мостик — не могу. Хорошо, недалеко от края, добрался, перебраться руками, вылез, отошел подальше от пропасти, сел — колени дрожат. Испугался, конечно, но дело не только в страхе. Дело в том, что пока болтался над пропастью, словно бы все представления о жизни перевернулись. Может быть, и нужно было мне специально оступиться, чтобы до костей пропало: жизнь — черт знает, как это здорово! Не что-то там в отдельности, а именно все, вся жизнь: облака, камни, горы, сама я в этой жизни...

Был второй случай: влюбился. Ну, и оказалось, не в ту. Бывает. Пошла история: дулма, идет, оказалось — фиг. И вот тогда во второй раз все во мне повторилось... Я понял тогда: главное — не размениваться. Может быть, смешным покажется, но именно тогда понял: я хороший... Смешно, правда! Да, хороший, да, стою любви самой лучшей, самой красивой, самой чистой словом, самой настоящей девочки. И сказал себе: расшибсь, но найду такую. Нашел. Дочь у меня вчера родилась.

И третий случай был уже на стройке, здесь. Помню, к концу смены сняли наши бригады, послали на разгрузку—срочные какие-то грузы прибыли. А в бригаде было плохо, друг друга не знали, соросили, до драк дошло. Кто делал, чего делал, не работало. Начали, Василий, потихоньку ритм, выкалывали. Честно сказать, здорово выкалывали. И все как-то зобилось, все дражи: тут не до драж—ящики тяжелые, костыли концы не видно, а воровая плечо не подставляет—ящик на ноги. И вот на перекур, главу, товарищ мой смотрит... ну, как-то не так, как-то омень хорошо смотрит... ты чего? спрашиваю. «Эх»,—говорит.—Сашка, все жиня ты согласис был тоскят эти поганые ящики бес перекуров, если бы ребята всегда были такими. Такими, как сейчас. Меня поразило то, что он в общении-то мне высказал, то, что и у меня было. Больше того, то, что было у Кидюка, там, внутри, эта же готовность всю жизнь тоскят ящики, только бы люди возакут хорошие были.

И вот мы разговаривали с Василием, и я пытаюсь понять, что же из этого внутреннего ядра привело его к тому, что он остъ сегодня...

Анатолий Садикович между тем выседает:

— Учтиса хочеш?

— В ответ неуверенно:

— Хому.

— А почему же не учтиса?

— Не знаю.

— В армии ты увлекался радиотехникой. Теперь надево?

— Снова неуверенно:

— Нет.

— А почему же забросил?

— Не знаю.

— Честное слово, ты как казанская сирота! Тебя что, жиня биле?

— Нет...

— Неудачи преследовали?

— Нет...

А за человека—до чего же разные! Один устал, вил, растерян, другой резок, стремитель, лопн яростного непонимания, даже злости на себя оттого, что не понимает, не может по-нить.

А ведь начинали-то одинаково. А ведь начинали с чистого листа и, если не обращаться сейчас к розовому детству и не пытаться свалить все, как это часто делается, на разнесчастных незадачных педагогов, начинали одинаково уже здесь, на бесконечно ударной стройке.

Анатолий Садикович и надалеко проходил—энергичный комсомольский работник, секретарь горкома. В настоящее—толковый, душойский инженер. Его путь—это путь большой работы, путь нелегкой учебы, путь трудного достижения цели. Анатолий помнит мне Алексея Климо, молодого прорабика, с которым я познакомился в Черкассад. Работал он бетонщиком, был избран комсоргом участка. Его заболелая организация была примечательна тем, что именно там поднимались проблемы, решение которых выходило далеко за рамки участка и часто страны.

И вот очень просто,—объяснил он мне,—Чтобы решить правильно, нужно встать на точку зрения высшей, что называется, власти. К примеру, так: вопрос в масштабах стройки—на место начальника, в масштабах области—на место обкома... Тот самый идеальный случай, когда сама власть—ты, и ответ за все—тысоже с тобой. И если решил правильно не только со своей шкеста, остальное—детали, убодить начальника стройки, обком, Ну, а если понадобится, и Совет Министров. Правда, у нас еще такого случая не было...

На стройке у него было дружеское прозвище—Министр...

Они одной породы—Климо, Азаров и Садикович. Они не раз дискутировали давном провоз свои слова. И потому так активно сейчас вспоминали Анатолия.

Если бы Василия «сломали» в первой борьбе многополюстной бюрократ, Анатолий бы понял. Если бы авторитетный самодур вымешал в его жиню, что человек арена высшей, что называется, власти. К примеру, годы были потрачены впустую, на зряшную, плохо продуманную идею, Анатолий бы понял.

Нет, вовсе не потому, что Садикович уступал в конфликтах. Он понал бы потому, что человек действия и понал бы человек действия, как бы он ни обмешал тот и как бы слаб он ни был. А пустое неудовольствие, пустую усталость, пустое разочарование в жини—нет, трудно понять это, а принять и простить невозможно.

— О чем ты мечтаеш?

— О чем ты мечтаеш?

— А о чем мечта, когда ехал к нам, на Заксиф?

— Получить хорошую работу, устроится с жинем...

— И все?

— И все.—Василий задумывается на минуту.—Все...

И у Анатолия выпрывает разочарование-удивление:

— Мелко же ты мечтаеш!

И я думаю: а может быть, именно здесь объяснение тому, что происходит с Василием?

В какой-то момент перед каждым встает вопрос, что делать: что мешь или что хочеш? Именно в такой форме он был задан одним из десятиклассников 483-й московской школы на недавнем диспуте. Ответили сами ребята:

— Конечно, что хочеш! Конечно, о чем мечтаеш!

— А если я мечтаю о несбыточном? Если меня не хвант?

В какой-то момент каждому приходится честно перед самим собой оценивать свои силы, свои возможности. И от этого зависит очень много. Жиня жестоко требует чрезвычайную самоуверенность. Но не менее жестоко и собственную недооценку.

Не мой взгляд, то или иное решение самым тесным образом связано с оценкой многожизненных явлений. Об этом же говорил и на школьном диспуте: чего больше в жини—хорошего или плохого, счастливые или несчастные, обыватель или борщот? Вот два полярных мнения:

— Я уже мало видел в жини, но думаю, что больше хорошего.

— Я тоже видел мало, но знаю: больше плохого...

Казалось бы, довольно далекие друг от друга вещи, однако это—явления одного и того же порядка, именно здесь нужно искать причины появления парней с опущенными плечами, со слезными глазами, парней, желавших на пенсию, как Василий.

Жиня сложна. Она словно мозаика. Все меньше остается в ней черных камней, но они еще есть. Говорят: за чем пойдешь, то и найдешь. И то, что хочеш, найдешь окружающее через черные очки, навари, сделав это без особенного напряжения. И ходит по земле казанские сироты, мечтающие о пенсии...

Вот как представляется мне «сплуженной» список Василия Васильева—того, что он ищет, ищет основные пункты которого опраделали Сааш Азаров: испытание жизнелюбием не выдержано, испытание трудом не выдержано, испытание любовью...

Жизнь в Новокузнецке хороша девушка, весела, сильная, смелая. Бросил без иллюзий отчий уютный дом, приехал на Заксиф, работала здесь, встрачалась в Василия. И, вероятно, увидела в нем то, что он и сам-то в себе не видел.

Сыграл свадьбу...

Нельзя рассказывать истории о том, как сильно чувство прообразует человека, немало таких историй. Поще будет рассказано. Но пока не Василия такие истории, хотя было время, когда товарищи его решали: и о нем тоже—не узнал человека!.. Но दिलось это недолго. Подбиралось прежнее, привычное, наволело тень: «Самодельностью увлекается... Знаем мы эту самодельность! Общественная работа—знаем... Комсомольские поручения—знаем... Она не смеет поверить, не смог понять, что у человека может быть чистый, искренний интерес к самодельности, общественной работе, что у девушки, юной женщины, «мужской жини», может быть не только подруга, но и друзья. Просто друзья. «Знаем мы эти друзья!..»

Не поверил той, в которую был влюблен, не поверил тем, кого уважал. Поверил гусняному шопоту пыльного приятеля: «Знаем мы эти друзья!..» Поверил потому, что и у самого в душе лежало то же: «Знаем!..» Началась ревность. Начались «ценны»: запрета выводить из дому, унизил, оскорблял подрастерем. И у нее лопнуло терпение—ушла в общество, к подругам: «Хватит!..»

Все это происходило на глазах большого, хорошего коллектива. В цене знали девушку, знали Василия. Видели: тяжело ей, тяжело парню. И тогда в котором свиданного мастера состоялось серьезный разговор товарищ по работе с Василием Васильевым. После этого разговора небольшая делегация во главе с Толей Садиковичем отправилась в женское общество...

И все же семья распалась. Слишком сильно было в парне неверие в людей, неверие в себя...

И снова—один, без настоящих друзей, без цели, без радости, один на один с собой.

Испитание любовью не выдержано.

...Вспомни неужиданно приуроченные отголоски, произносит:

— Казанский сирота... Да, верно. Как свентак какой-то...

Я думаю: может быть, именно тогда, в дождливый вечер, когда пусто и холодно было в оставленной комнате, и родился в Василии слабые веры сомнений, те самые, робие поны еще раздумья, которыми он делится...

— Помню, приехал, вышел вечером погулять, попал на пыльную драку. Подумал: ну и люди же здесь! Так и шел с тобой. А сейчас думаю: ну, а что увиди? Она из таких, как наша смена, наш чеп. Ну, есть один-два алкоголика, но в общении-то хорошие люди. Может быть, зря я так-то отгулом!

Когда вернулся из армии, немного освоился, тыкнул всерьез заняться радиотехникой. Книги покупал, хотел учиться. Узнал: в Новокузнецке ни техникума такого, ни института. Похвать бы в Новосибирск или еще куда—дух не хватало! Я прочитал где-то: когда человек ограничивает свои надежды, он ограничивает и свои возможности. Не подумал, что это обо мне...

И неожиданно разорвало, разволновало и горькое понятие:

— Да силе! Везде тыдела в детстве не баловали мячом, а старшина в армии не оставлял его деурить по казарме, когда рота отправлялась в марш-бросок. Он силен, как может быть силен зрелый двадцатитрехлетний парень с крепкими мышцами и рабочими, умелыми руками. И сила копится в нем, сила требует активного выхода, большого дела. Сила дена человеку для достижения больших целей...

А тот, кто захочет смотреть на мир сквозь темные очки, сможет сделать это, сможет подобрать их из мозаики жини достаточных темных камней. Но кому от этого хуже?

Долго длился наш разговор в пустынной лаборатории неха, долго длился рассказ Василия о неудавшейся жини. И когда в бистрых сумерках всплывали фонари и гирлянда огней нарисовала мост через Томь, я приподнял Василия:

— Если хочеш, я на новую твою жиню.

— Он ответил не сразу:

— Нет, назави... Расскажи все, как было, пусть... Может быть, кому-то это поможет.

И ты спрашивал о человеке, на которого я был готов ходить. Написал: Анатолий Садикович.

...Притоло время—и всерьезлы Томь. Придет время—и сбудется человек в Василии Васильеве, он обязательно сбудется.

Кемеровская область,

г. Новокузнецк.

-П

осушай. То-то! — сказала мне Александр Иванович, когда мы владели на курс. — Поработай сегодня за первого, а я за второго? За Сердчишко чего-то пошашивает... Командауй.

Я небрежно кивнул. Настроение сразу подпрыгнуло вверх метров на триста. Но виду я, конечно, не подал. Насчет сера-чишка это он явно тешил, чтобы я не подумал, будто он мне спискождично делает. Старый трюк. Легком на лапу не первый день.

Я оглянулся и пошел в карман за темными очками. Черт возьми, никак не могу нагадаться я на эту красотищу! Горы вокруг. Внизу ущелья, скалы, а рядом с самолетом — снежные вершины. Белые, как сахар. Только сахар горький, глядя на него в оба, не спугнуть с облачную погоду. А такос, рассказываю, бывало...

Шеф-то мой Александр Иванович летает по этой трассе лет пятнадцать. Я — только год. Работал «на равнине», летал над полями да лугами. Потому сюда пошла. А как сагата в первый рейс, реша навсегда тут остаться. Старым корешам нахаета.

«Брожу нынче на Хорог. Самая сложная трасса в мире. Есть, говорят, еще что-то вроде этого в Америке, на Аляске... Мы называемся горняками. Шуруйте, мальчики, сюда».

Мальчики в ответных денщиках обзавел меня гжедом. А «шуровать» сюда даже и не подумал: лететь, мол, все равно где.

Черт их знает, может, они и правы! Вон Александр Иванович, считай, всю жизнь тут, как с войны вернулся. А толку?

Только здоровые портит. Горы все-таки, вредно.

Я посмотрел на шефа. Он достал кислородную маску и дышал черт не знает.

Александр Иванович перехватил мой взгляд и сказал, наклонившись к самому моему уху, чтобы переключить шум мотора:

Ступно, браток, ступно.

Ответа я ему стандартно:

— Ну, что вы!

Он улыбнулся. И посмотрел за борт. Его штурвал медленно поворачивался вслед за мной. Александр Иванович одной рукой держал свою маску, а другой — свежие «Известия». Я вел самолет один.

Все шло нормально. Солнце жарило сверху, я сил гвалтук и растегну сороку. Наш «АН» катил по воздуху ровно и спокойно. Я набирал высоту — приближался перевал. Стрелка перепрыгнула за четыре тысячи. Порядок. Сейчас проползет над Хабдарбадом, а там скоро и Ванч. Если нати нормально, полтора часа лету.

Горы поднимались все выше, и я тигуа самолет на уровне вершин. Вот и перевал. Я гавгуа вниз — дорога через Хабдарбадский хребет еще в снегу. А ведь май в разгаре, в городе жарича. Бр-р-р! Не хотел бы я сейчас оказаться на этой дорожке. Ох, братишечки-шоферы! И отчаянный же вы народ, ребята! Много вихальства надо иметь, чтобы катиться по таким горшкам. И б не согласился ни в жизнь! То ли дело на самолете! Р-раз — и там.

Я потихоньку потагиваа штурвал на себя, а горы все приближались. Теперь они уже не в стороне где-то, а прямо под брюхом. Теперь уж вниз гляди. Все ближе и ближе серые скалы к нашему «АНу». А выше самолет не идет потолок.

Ну, вот и вершина. Проползает под нами, совсем рядом. Сколько тут? Метров сорок? А может быть, больше, только кажется?

Прощай. Теперь и вздохнуть можно. Я вздохнула глубоко и гавгуа на Александра Ивановича. Он все читал «Известия». Будто и не заметил, как пропал перевал.

Дальше трасса шла посклоные. Горы поднимались еще выше, и мы летели надоу ущелья, по скавистому коридору. Тут уж надо газ да газ. Крыло то и дело прокладит рядом со скалой. И левее неабли — горы, и правее тоже неабли — скалы. Так что ману гограла в титюаку, по аичечке.

Ага, вот тут надо сбросить газ и скинуть скорости. Каменный коридор сейчас круто повернет налево, на девяносто градусов. Надо не прозевать точку разворота. Начали. И поворачиваю штурвал налево, и самолет слышно крепится. Поворот надо пройти под углом.

Не вижу, а слышу чувствую, как шеф отложил газету и внимательно смотрит на меня. Мы висим сейчас под углом в сорок пять градусов. На-крененный самолет прокладит угол. Да, ужоовато, пожалуй, для наших «равнинников». Тут, брат, надо саком крутить.

Ну, все, можно выправлять. Я кладу самолет в нормальное положение

Альберт ЛИХАНОВ

ИСПЫТАНИЕ

и смотрю налево. Я всегда смотрю налево, когда мы проходим этот четвертый угол. Просто приятно посмотреть налево. Приятно посмотреть, что даже такая шугункина нам не страшна. А налево — отнесенная спротивная стена. Розовая гранитная стена высотой, пожалуй, метров в триста. А внизу... Ну, я то, допустим, вниз смотрю спокойно. Относительно. А вот женщинам в этом месте обычно становится плохо. Ну-ка, кстате, как они там, жинь?

Я оборачиваюсь назад. Там женщины спокойно покуривают, а вот девушка какая-то отжигала голову к стене, лицо бледное, а глаза закрыты. Ну, вот... Как всегда... Надо ей пакетиков подобрать. Я киваю шефу, и он берет шугула. Отношу девчонке пакеты. Порядок.

Теперь десять минут лета. Сейчас будет Вент.

Я спускаю машину. Вот инакуют деревья, домики, дафт навстречу бурная речка с желтой шипящей водой и слева аэродром. Я сбрасываю скорость. Шасси гремит на ухабах. Вот мы и прибыли.

Александр Иванович складывает «Известия», кислородную маску и спрашивает:

— Не устал?

Я просто зякнула в ответ.

Мы с шефом отошли в сторону от самолета. Выбрала место поближе и присел, дожидаясь, когда выйдут пассажиры, а вместо них спадут другие и почтара потянут свои токи.

— Ты заметил? — спросил Александр Иванович.

— Что?

— На перевале собираются облака.

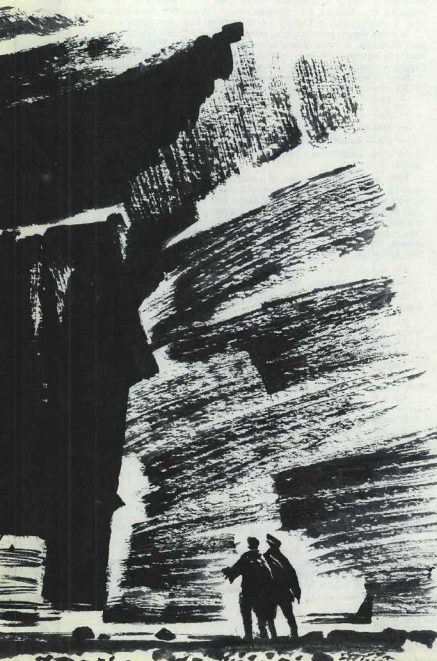
— Да ну? — удивился я. — А я думал, что так буржуши.

— Скоро разозлется кучка, — ответил он неумолимо, — и перевала мотут закрыть. Ты не торопишься?

Я, конечно, торопилась. В восемь меня будет ждать Люська на второй скамейке в скверике у оперного театра. А билеты у меня, в новом пиджаке. Нет, я вовсе не собираюсь задерживаться тут, даже в компании с моим уважаемым, но все-таки скучным шефом. Я пропустила его шпанские престасказания мимо ушей. Спорить было лень, солнце садило припекало, и я развалилась на камнях.

РАССКАЗ

Рисунок О. ВУКОЛОВА

Как уснула, я не помню, но спал не больше десяти минут. Меня кто-то тряс за плечо. Я открыл глаза и увидел Александра Ивановича.

— Пошли! Откуда — сказала он. — Кажется, тебе поезде. Свидание, пожалуй.

Я сначала не поняла, о чем он говорит. Потом сообразил, что это о поезде. Небо было прозрачным, ясным. Чем уже лучшего ждало от поезда!

Мы пошли к самолету, пассажиры расселись по местам, почта лежала в хвосте горной буржуазии ментов.

Раз-другой выстрелила газовая труба, пропеллер исчез в стремительном движении, мы поднялись в воздух.

Александр Иванович снова привнес за «Известия» и кислородную маску, и я развернулся и воля курсом догнал.

Мы шли минут пять, не больше. Потом в наушниках среди треска и шума я услышал, что диспетчер выдает все самолеты, находящиеся за перевалом:

— Возвращайтесь на ближайшие точки. Перевал закрываю, облачность.

Возвращайтесь на точки, перевал закрываю...

— Тыфу, к черт! — выругался я вслух.

— Ты чего это? — спросил шеф.

— Закрываю перевал, — сказал я, а про себя подумала: «Наказала и еще спрашивает! Будь ты все невадно!»

Пассажиры, увидев, что мы идем обратно на посадку, заволаговались. Александр Иванович обернулся к ним и показал пальцем в потолок: пого-да, мол.

Дальше было все, как полагается в таких случаях. Мы сидели у радиостанции и слушали, как главный порт бубнит каждый час:

— «Рогожка». Вылет задерживаю до тринадцатого. Как понял? Прием.

Радиостанция отвечала:

— Понял.

Я снова листала старые «Крокодилы» и думала: почему этой радиции дали такое название? Неужели «Рогожка»? Но понять так и не мог. А спрашивать шефа или радиста было как-то лень.

Потом, часов в пять див, этой Дурацкой «Рогожке» передали, что наш вылет запрещен до завтра.

Все надежды сходило с Люською в театр, а потом опять целоваться с ней в посадке ругуляги. Теперь обещались «леткий концерт»: откуда же Люська знает, что билеты лежат в моем новом костюме, а я сиюж воле этой прокаткой «Рогожки»!

Я со злостью посмотрела на шефа. Он сидел напротив меня и, наверное, в десятый раз думала свои «Известия». «Вот тебе и известия, маэстро второй пилот! — думала я. — Если бы не эти старые развалы, ты бы даже целовалась со своей Люською. В конце концов можно было добиться разрешения на вылет с разведкой. И пройтись перевал. Не может быть, что там было так уж облачно».

— Александр Иванович! — позвала я.

— Шеф подвинула газетку, посмотрела восторженно на меня.

— Может, закрпим машину? — спросил я.

Он кивнула головой, и мы вышли от «Рогожки». Небо было по-прежнему безукоризненно чистым, и я еще раз подумала, что мы наверняка пропали бы над перевалом. Правда, подлаялся ветерок. Пришлось забить железные каньки и тростить самолет.

Когда все было кончено, шеф сказал мне, закуривая папироску:

— А я б на твоём месте не выдержал.

— Что это?

— Да запрещаю бы разрешение вылететь с разведкой. Все-таки свидание.

Да и ты сегодня первый.

Я просто обладал. Вот так штука! Все, оказывается, зависело от меня. А драгоценный Александр Иванович сидел на лавочке и ждал мой команды! Ха! Фокус сезона!

Но я закусила удила и не сказала ни слова. Ругаться не имело никакого смысла. Мы ведь действительно договаривались, что первым пилотом сегодня я, а запросы делает первый. Мы бы и запросить. Правда, от имени шефа. Но я не возражала бы. Уговор дороже денег.

Мы приняла в пилотскую и приняла отдохнуть. Я снова мучала старую «Крокодил» и шеф — свои «Известия». Потом Александр Иванович опрокинул газетку на нос и захрапел. Листать «Крокодил» больше было ни к чему. Я выкурила папироску, задумалась о чем-то и тоже уснула.

Простурия я оттого, что кто-то тромко волевал. Я открыл глаза и увидел, что «Рогожка» толкает шефа и колет его:

— Александр Иванович! Александр Иванович!

Шеф наконец очнулся и сел на кровати.

— Александр Иванович, — говорила «Рогожка». — Вам радиодиаграмма с порознностями.

Он протянул ему листок, шеф быстро пробежала его и сказала мне:

— Токи! Жена начальника заставь заболела. Гнойный аппендицит.

Нужна срочная эвакуация.

— Что делать? — спросил я.

— Шеф молчала.

— Будем просить вылет? — спросил я снова.

— Будем, — ответил он. — Но могут не разрешить. Там и площадки приличной нет. Так себе, пятачок. Я на этой заставе был когда-то... — Он помолчал и добавил: — В лучшие времена... А сейчас к тому же вечер.

Мы пошли к «Рогожке», и шеф ста говорить с заставой. Начальником там была какой-то майор Замбаев, таджик. Я слышала, как он умоляла Александра Ивановича прилететь, а тот, не слушая его уговоров, все спрашивал о площадке и о том, откуда там, у черта на куличках, дует ветер. Потом он связался с главным портком и запросил разрешение на вылет. Диспетчер долго не отвечал, — видимо, звонил начальнику отряда или прогнозистам. — Потом включился в эфир, позвал:

— «Рогожка», «Рогожка». — И снова умолял: видно, не все еще было решено.

Я сидела на авле и ерзала от нетерпения. «Хоть бы, хоть бы, — повторяла я старинное малознаменное заклинание — хоть бы разрешили!» В таких перелетах я еще здесь, в горах, не бывала, все по трассе да по трассе. А уй-

ты и сторону, а еще по толку делу. Да еще когда все самолеты по всей стране летят в землю, сдвигаясь, кричащими,— это же здорово!

— А шедь ждал только диспетчера, а я и смотрю на его камешки, морщинистые лица и только дышал. «Вот шедь,— думал я,— хоть бы что ему. Как камешки».

Потом диспетчер все-таки вошел в эфир и сказал:

«Рогожка», «Рогожка»... Как слышите? Позовите: я радии первого по-
лота.

Александр Иванович взял трубку и ответил:

— Слушаю.

Диспетчер сказал как-то неожиданно и не так, как полагается говорить диспетчеру.

— Александр Иванович,— сказал он,— вылетать вам разрешено. Будете осторожны. В районе заставы ветры, болтанка, облачность — семь баллов. Но рискните самолетом и экипажем.

Потом перешел к самолету «Рогожку» и продиктовал ему сухую, официально-радограмму с разрешением на вылет.

Пока мы готовили самолет и внимательно осматривали все до мельчайших подробностей, меня как-то даже знобило стужей. Я все думал, что мне страшно повезло, и теперь мне придется поблужать в самой настоящей горной перепалке, и что сравнявшись полетав в Лоскомском полезде приобрели прилагную замену, и что, вернувшись домой, я все подробно расскажу Лягушке.

Мы шли вперед, и горизонт горизонт оброста тучами, они заполняли все небо, и их серые, равные, ватные клочки уже лезли крылья самолета.

И не заметил, как шедь отложил газету. Нет, он не брал штурвала, он лишь держал руки на комлексах высоты. Самолет по-прежнему шел я.

Минуту через шедь начался болтанка. Я сидел напряженным, превратившись в струну, гибкую и сильную. Как только я чувствовал, что уже кри-ко, вздрагивая всем существом, опускался вниз и штурвала, послышались неприятели, являлся из рук вправо или влево, я всея тяжестью тела удерживал в руках, поворачивая невозможным усилием в противоположную сторону. Да, это было велекое. Обычно в таких случаях штурвала держат оба пилота: двоим ведь легче. Но шедь сидел неподвижно. Я был такуч раз баллотировать это за то. Это, что он давал мне возможность измерить своим весом колебания самолета, и я сидел неподвижно.

Я совсем забыл про билет, который лежал в новом пиджаке, и про Лоскомского, который именно сейчас ждал меня на второй скамейке у оперного театра. Я молчал, жвал губы, был напряженным, но я неа про себя, неа какой-то зверинчик и, наконец, слышал Аруничей метел, выдувавший меня даже не выдувавший, а как-то вырывающийся из меня:

— Тарам-тарам! Тарам-тарам!

Тара-ра-ра! Тара-ра-ра-ра!

Мотор гулал такую, ровно. Самолет болтал, как штурвал, но болтал как нормаль, такое я уже знал, и эта болтанка не была для меня необычной.

Вот интересно: чем дальше шел самолет, чем становилось облачнее и опаснее, настроение у меня не падало, нет, наоборот, поднималось. Я даже забыл, что лечу не один, и продел свой мотвичик вслух. Но тут же спохватываясь, обернулся на Александра Ивановича, только на мгновение казался набок, я взглянул вперед и увидел рядом сквозь серую вату облаков скалу, выступающую справа.

Самолет тут же выпрыгнул, и Александр Иванович, наклонившись ко мне, сказал громко строго:

— Мы не можем рисковать: нас троет...

Я сначала не понял ничего. Потом увидел свои руки — поблеленные пальцы, сжавшие штурвала. Потом понял, что это не я вывел машину из крена, и глянул на руки Александра Ивановича. Я увидел их — сильные, со влезными веннами руки. Я вспоминал вдруг почему-то руки матери. У нее тоже были вот такие же ватные венны, и она всегда в варах за несколько минут, мне почему-то казалось, что если задесть за эти венны, ей будет больно. Я подождал иногда к маме, трогая вдувающихся венну ее и спрашивая:

— Больно!

Мать улыбалась, качала головой.

— Нет.

А отчего это? — унималась.

— От работы, сынок, от работы.

Я не знаю, почему я вспоминаю все это. Потому, потому, что руки шедь напомнили мне о таком радном, хоршем и давно забытом... Я вспомнил, что тогда и только тогда я тот самый момент, когда я, словно впервые, увидел руки шедь, я почувствовал какую-то близость к нему. Словно сидит рядом хороший и добрый, давным-давно знакомый человек, и как-то теплее стало мне, и я понял, что я не один.

Как ни странно, мотвичик мой тут же вылетел у меня из головы. Нет, не потому, что настроение упало, настроение было по-прежнему отличным. Тогда же теперь я стал словно сильнее и от сам своей деловитости и сдержанности. Сейчас во мне было не озорство и мальчишеское ухарство, а уверенность, что я не один, что я силен, потому что не один, и что вообще человек не может быть один,— вот летим же мы вырвучат другого человека.

— Слова шедь словно вот-вот раз дошли до меня:

— Мы не можем рисковать: нас троет.

Да, мы не можем рисковать: та самая жена начальника пограбаставши может надеяться только на нас. В наших руках наша собственная жизнь,

потому мы не побоялись отпираться в полет. Но в наших руках еще не жизнь, и во имя этого мы не могли рисковать собой и самолетом.

— Облание! — сказала шедь. — Сейчас!

— Облание слегка расступилась, и я увидел внизу желтую бурлящую речку, серый каменистый берег и алойи внизу. Кажется, добрался.

Я взглянул так и резко пошел, вниз, разворачиваясь к узкому ущелью было наде. Земля наклонилась и стремительно пошла напредву. Берег был узок, и надо только рассчитать, чтобы сест на эту узкую полосу прибрежной гальки — слова скала, справа речка, которая сверху кажется узкой ленточкой.

Вот так, так, тут правое, только бы оно не было на берегу. Садимся! Шассис касается гальки, она скрипит и трещит, самолет идет вдоль речки, а речка тормозит, и хвост чуть заносит влево. Чуть-чуть. И именно влево: троет — вода.

И сейчас, когда вытарапливать пот со лба, а Александр Иванович уже оторвал джип и это-то кому-то кричит. Я не успеваю встать и выйти из самолета. Хлопает джип, и Александр Иванович возвращается обратно.

— Готово!

— Взяли!

Сказал головой.

— Деля полки,— говорит он мне.— Аппендик уже лопнул. Все в наших руках.

Я обернулся. В пассажирском салоне на полу стояли носки, на них лежала женщина, а рядом на комлексах стоял майор. Лица его я не разглядел, видно, тот самый начальник заставы.

— Значит, нас четверо.

— Поднимем! — крикнул я Александру Ивановичу на пассажиров.

— Надо,— отвечает он.

И сейчас мотор, разворачивая самолет на сто восемьдесят градусов. Итак, высота метров сто двадцать. Надо взлететь.

Взлететь.

Взлететь?

Легко сказать, взлететь.

И никогда не поднимался с такой площадкой.

Александр Иванович смотрит на меня, а я смотрю на его руки. Они лежат на штурвале: «Может, он?»

Шедь пристально смотрит на меня и говорит:

— Ну как? Можете ли?

«Мы не можем рисковать: нас троет», — вспоминаю я его слова.

— Да, мы не можем рисковать: нас теперь четверо.

— Мы не можем рисковать,— отвечаю я шедь,— нас теперь четверо. Потому сказать этим, что нет я, ни он, настоящий командир, не можем рисковать жизнью и доверять взлет мне. Так положено по инструкции: старший отвечает за все. Второй пилот выполняет его приказы. Он командир. Я второй пилот. Сейчас не до шуток. Все становится на свои места.

Все как будто решено, вопрос быть не может. Мотор работает на полную обороту, и руки шедь лежат на штурвале. Я ему помогаю. Он отложил кислородную маску, сейчас не до нее. У него не пошлавет больше серце — оно не может пошлавет. Потому что он командир.

Мотор ревет, но самолет стоит на месте.

Александр Иванович наклонился ко мне:

— Тот!

— Да?

— Мы не можем рисковать, я уже говорила тебе.

— Да,— крикнул я.

— Будь спокойнее,— говорит он.— Самолет поднимешь ты... Ты поняла меня?

Нет, я ничего не поняла. Я смотрю на шедь и совсем ничего не понимаю. Я смотрю на него внимательно. Испытываю? Фу, как гаупт! Он не может испугаться! Я гапку на шедь все приставляю и вдруг замечаю седую прядку у него в голове. Вот странно, никогда я раньше не замечала, что он седеет. Теперь я вижу его лицо совсем близко. Спокойное, скалостое, обтерженное лицо с карими глазами. Мне кажется, что он чуть волнуется. Вдруг я замечаю. Он так же, как на выпускном волновался. Только об этом ты уже знал, а я все-таки волновалась.

Он кладет свою тяжелую ладонь на мою руку и слегка пожимает ее.

— Давай,— говорит он,— шуруй!

Я смотрю на него еще раз. Он чутьчуть усмехается. Он улыбается и говорит мне:

— Ты хорший летчик, Толя. Только тебе нужно уметь все. И в таких передрягах тоже все уметь. Давай, старик, шуруй! Нас ведь все-таки двое! Машина готова к старту. Мотор завел на высших оборотах.

И смотрю вперед и ничего не вижу, кроме узкой полоски гальки.

«Ну!» — говорю я сам себе, и самолет срывается с места.

Я двю полный газ, и мы несемся поселение метры по скрипящей крутой гальке. Вперед вода, крусные камни. Нужно отворачивать, иначе конец. Все же я, я оуду, как самолет последний раз встраивается на земле, и он отворачивает от земли. Штурвала на себя.

Я выдыхаю воздух — оказывается, со старта не дышал.

Я вижу радио Александра Ивановича. Он чуть улыбается. Я выдыхаю момент, когда машина уже на высоте, и держу одной рукой штурвала, дотрагиваясь до своей кислородной маски и протягивая ее Александру Ивановичу.

Он кивает — благодарит. Я вызываю «Рогожку» и вею передать врачу, что мы приняла больную.

«Все о'кей, «Рогожка»! — говорю я и улыбаюсь шедь.

И хотя впервые тяжелой путь и болтанка, и облачность семь баллов, и близкая ночь, я знаю: все будет отлично. Выживет жена начальника заставы, и облачность на первом этапе разойдется, и мы полетим домой.

Все будет отлично!

Только вот Лоскомского будет злиться. Кстати, почему это зову я ее всегда Лоскомской? А не Лоской? Или Лоскомской? Ведь это же, наверное, приятнее. А злиться все-таки будет.

Ну, да уж ладно. Как-нибудь...

И. БЕЗУГЛОВ, капитан,
С. ШЕХТМАН, майор

Фото автора

МАТТИ ИДЕТ ПО СЛЕДУ

ГРАНИТ ИДЕТ ПО СЛЕДУ

— Застава, в рушье!
Голос демуруного сержанта пограничника с коком. Схватив пистолет, старший сержант Матти Лейнбок бросился к питомнику. По лицу хлестнул холодный дождь. Сердце Матти тревожно сме-

Смел след. Скорее, скорее!
Через минуту Лейнбок вместе с притаившимся Гранитом нырнул в границу. Нужно было как можно скорее стать на след, настегнуть и зареветь нарушителя.

Вот и след. Старший сержант сбросил мох, которым народ привык отпечатки на контрольно-следовой полосе. Сомнений не оставалось. Лазутчик пошел в наш тыл. Напрасно он злился, пересекла полосу надблудами вперед.

— Часа полтора прошло... — определил Лейнбок и прижал окурки, взяв след.

Гранит несомненно размадно стегнул носом воздух, принахалился к окружающим запахам и рванулся к черной стене леса.

Матти пришел на заставу с завешанной мечтой стать таким же увальнем следопытом, как легендарный Нарцисс, о котором он столько слышал в школьном отряде «Юные друзья пограничников».

Когда за ним затрепетала Гранита, товарищи начали подшучивать над Мат-

ти, уж очень неказистой на вид была эта очкара. Изморосла, подкара, она мало походила на тех грозных четвероногих стражей границы, которых снимают для журналов и кинофильмов. Однако Лейнбок не обращал внимания на шутки: Гранит еще ни разу не подвела его.

Прошло около часа. Лес начал редеть, и вскоре Матти вышел к болоту. Бегать стало труднее. Ноги соскальзывали с мочек и глубоко валили в трясину, за гонимца заливалась вода.

Внепрод гонимца село. Лейнбок взглянул на часы: без четверти шесть. Ровно в шесть пойдет первый автобус. Лазутчик может успеть на него.

— Не успеет, — прошептал Матти, сбрасывая сапоги. Сразу стало легче бегать.

На окраине села Гранит оживился. Видимо, нарушитель побывал здесь недавно. Вот и автобусная остановка, очередь около нее. Любопытно, Гранит бросился и пассажиры в темном синем спортивном костюме. Тот резко повернулся, и Лейнбок узнал в нем одного из офицеров части.

32 «ТРОФЕЙ»

СТАРШИНА АЛЕКСАНДРЕНКО

Но пограничники задиривают не только учебных «нарушителей». Старшина за-

ставы Тимофей Иванович Александренко двадцать четыре года отдал границе. Тридцать два года пытался обмануть, переждать его. Не вышло. Помогли смекалка, многолетний опыт, бесстрашие.

...Майская ночь назвалась бесконечной. Но вот на востоке вспыхнула полоса зарницы. От реки потянуло предутренней свежестью.

— Ну, все, теперь уже ждать нечего светает, — поенивался от холода, нергично промочив владений наряд.

— Тише. Не отвлекайся, — оборвал его Александренко.

Но что это! По обочине дороги прямо на них шел незаметный человек. Подрустив его вплотную, старшина окликнул незнакомца. От неожиданности тот вздрогнул, но сразу же взял себя в руки.

— Да вы что, ребята, — улыбулся он. — Я из... (неизвестный назвал село, расположенное неподалеку от заставы). Вот документы.

— Руки вверх! — потребовал Александренко.

Человек нехотя повиновался приказу, продолжая убеждать пограничников проверить его документы.

— Для чего нам документы, — остановил его старшина. — Лучше скажите, кого вы знаете в этом селе?

Неизвестный начал бойко называть фамилии, но когда Александренко спросил,

ВЕЧНАЯ
СЛАВА
ГЕРОЯМ
1941-1945

кто председатель сельсовета, растерялся и замолчал. Было ясно, что он не тот, за кого себя выдает. Из внутреннего кармана, в который неизвестный порывался заглянуть «за документами», был извлечен пистолет.

ВСЕГДА В НАРЯДЕ

Два солдата стоят во дворе заставы. Один гордо возмывается на пядестеле. Он всегда в наряде. Его бронзовое лицо — исполненное мужества, стойкости и устремленности туда, где пролегла граница. Там в первый день войны он встретился с фашистами.

Другой (это уже стало на заставе традицией) молча застыл у монумента. Через минуту он уйдет в наряд на границу.

...Шивал артиллерийского огня, танков, авиации обрушили фашисты на заставу, возглавляемую лейтенантом Усовым. Но пограничники не дрогнули.

В часов горстка храбрых сдерживала врага. Застава оказалась неприступной как Афон. И лишь когда поглотил последний защитника фашисты смогли овладеть дымящимися развалинами.

И если этому молодому солдату, стоящему в молчании у бронзового монумента, доведется встретиться с врагом, он увидит черты заставы имени Виктора Усова.

Бывалый старшина Тимофей Иванович Александренко — своего рода «эпохальная энциклопедия для молодых солдат. На любой вопрос Носифа Дурловича он тут же находит пример из своей богатой практики.

Неразлучные друзья — Матти Лейнбок и Гранит в наряде.

ВАХТА ДВАДЦАТИЛЕТЯ

22 июля нынешнего года Польша Народная Республика отмечает свое двадцатилетие. В этот день в Варшаве состоялся Съезд социалистической молодежи и Союз социалистической молодежи и Союз молодежи Польской Народной Республики. В этот день в Варшаве проведут девятидневные лагеря для молодежи из других стран социалистического лагеря.

В этот день в Варшаве проведут девятидневные лагеря для молодежи из других стран социалистического лагеря.

Сотни студентов Эстонии участвуют в лагерях молодежи в Варшаве.

НАВСТРЕЧУ ФОРУМУ СОЛИДАРНОСТИ

О ЧЕМ МЕЧТАЛ МОРРИС...

...Моррис, который прибыл из Лондона. В десять часов вечера мы встретились в ресторане «Бериллиевая пихорадка», где сидела целая группа студентов из разных стран. Они не могли спокойно смотреть, как избивают его старую отца.

Моррис рассказывал о своем участии в Социалистическом движении в США. Он говорил о своем участии в движении за гражданские права, о том, как он участвовал в маршах и митингах. Он говорил о том, как он участвовал в движении за мир и демократию. Он говорил о том, как он участвовал в движении за социальную справедливость.

Моррис рассказывал о своем участии в Социалистическом движении в США. Он говорил о своем участии в движении за гражданские права, о том, как он участвовал в маршах и митингах. Он говорил о том, как он участвовал в движении за мир и демократию. Он говорил о том, как он участвовал в движении за социальную справедливость.

«СЕМЬ ДНЕЙ МАЯ»

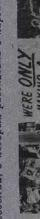
Л. КУЗНЕЦОВ

...Вашингтон. Демонстрации в честь дня рождения Мартина Лютера Кинга. Люди выкрикивали лозунги и пели песни. Люди выкрикивали лозунги и пели песни.

БЕРИЛЛИЕВАЯ ПИХОРАДКА

Каждое утро в лагерях молодежи в Варшаве можно увидеть картину. Молодые люди из разных стран сидят за столом, обсуждая различные вопросы. Они обсуждают проблемы молодежи в своих странах. Они обсуждают проблемы молодежи в своих странах.

Однако это не так. В эти дни, как и в прошлые времена, тысячи людей из США, Канады и других стран по-прежнему вступают в разговоры. Они обсуждают различные вопросы. Они обсуждают различные вопросы.

1947, соединилась здесь с партией из 500 человек. Вспомогательная организация Дугриджа, что идет только со стороны фильма «Семь дней мая». Фильм повествует о военном лутче в США. Фильм даст представление о жизни в США.

Исторические картины вытесняются картинами из жизни США, в которых трудно быстрое развитие и развитие техники с совершенствованием и развитием техники.

Исторические картины вытесняются картинами из жизни США, в которых трудно быстрое развитие и развитие техники с совершенствованием и развитием техники.

Сцена из фильма «Семь дней мая» — показана на плакате.

В фильме «Семь дней мая» свое дело делают не только герои, но и сами картины, которые раскрываются в фильме. Когда перед нами картина «Семь дней мая», то перед нами картина, которая раскрывает в себе историю жизни в США.

Исторические картины вытесняются картинами из жизни США, в которых трудно быстрое развитие и развитие техники с совершенствованием и развитием техники.

Год назад Западная Европа оказалась от колоризации. Половина острова Новая Гвинея стала свободной. На остальной его части находится провинция Бирма. Восточная часть острова — шимши — так же надлежит можно встретить в Табу и Новой Гвинее на каждом шагу.

Ш К О Л А Ж И З Н И

Одна из последних учительниц решила провести с собой в зал суда 13-летнего подростка, который был обвинен в краже. Школьные учителя, в том числе и ее собственная мать, были свидетелями ее поведения. Она была очень доброй и заботливой женщиной, которая любила своих учеников. Она была очень доброй и заботливой женщиной, которая любила своих учеников.

Одна из последних учительниц решила провести с собой в зал суда 13-летнего подростка, который был обвинен в краже. Школьные учителя, в том числе и ее собственная мать, были свидетелями ее поведения. Она была очень доброй и заботливой женщиной, которая любила своих учеников.

Зоткум улиро...
 «Семь дней мая» — картина, которая рассказывает о жизни в США. Она была очень доброй и заботливой женщиной, которая любила своих учеников.

ностра и сегодня стоит выдержать в своем доме, как и в прошлом. Когда перед нами картина «Семь дней мая», то перед нами картина, которая раскрывает в себе историю жизни в США.

Исторические картины вытесняются картинами из жизни США, в которых трудно быстрое развитие и развитие техники с совершенствованием и развитием техники.

ПРОКАЯТИЕ СИЦИЛИИ

Вспомогательная организация Дугриджа, что идет только со стороны фильма «Семь дней мая». Фильм повествует о военном лутче в США. Фильм даст представление о жизни в США.

Исторические картины вытесняются картинами из жизни США, в которых трудно быстрое развитие и развитие техники с совершенствованием и развитием техники.

Исторические картины вытесняются картинами из жизни США, в которых трудно быстрое развитие и развитие техники с совершенствованием и развитием техники.

СЕМЕРО ВЫШЛИ К СОЛНЦУ

Они висят на двери — обычный почтовый ящик. Такие же висят рядом на других дверях, такие же и этажом выше, и на других лестничных клетках, и в других домах — железные, стандартно-голубые. Но этот, по адресу Ленинград, проспект Юрия Гагарина, дом 26, квартира 23, особенный. Он мал, очень мал для того потока писем, что приходит на имя Роберта Малоземова. Вечерами, когда квартиру наполняет спокойная тишина, Роберт кладет перед собой пачку этих писем и читает, читает. Далеко за полночь горит огонь в его окне: он отвечает неизвестным людям. Утром конверты уйдут по разным направлениям: в Закарпатье, Одессу, Берлин, Хорго, в горные вулканы, степные городки, в таинные поселки. А Роберт, чутько не выспавшийся, поедет на завод...

Двадцать четыре года живет он на свете. Сколько было в его жизни друзей? В школе, в армии — десять, двадцать, тридцать? Столько, сколько у каждого из нас. А сейчас? Сто, тысяча, десять тысяч? Как сосчи-

тать всех? Письма идут и идут бесконечно. Теплые, ободряющие, добрые, они помогают, как песня на марше, как плечо друга в бою. Они удесятерят силы.

Год назад родилась в Ленинграде новая семья. У этой семьи имя, как ее называют, коммуны, есть день рождения — 22 марта 1963 года. Правда, не радостным был этот день. Жестокие, страшные слова услышали дети от Любобы Васильовны Микроковой: кормить вас не буду. А выд старшие учились в восьмом, а младшие — дошколка. Кто же будет их кормить?

Я юный пионер Советского Союза, торжественно обещаю... Люба произнесла слова торжественного обещания и оглянулась: наверное, все слышат, как громко стучит ее сердце. Громче шума весенних ливней на Неве. Громче праздничного салюта. Громче грохота кленовых плочек маленького барабаника у знамен дружины. Сейчас подойдет и Люба пионеро-матая повзвать галстуки и тоже услышит...

Люба опрометью несет по лестнице. Попытает огненными языками разжевать кончики галстука. Настенька дверь.

— Павлики Петя! Где вы? Я пионерка!

Любу обступили мальши. Глаза братишек горят такой откровенной завистью, что она расхохоталась. Расхохоталась и, встретившись глазами с матерью. Та стояла в дверях кухни и молча глядела на возню малышей. Люба отстранила их от себя и шагнула к матери:

— Мама, смотри! — и смолкла.

Сколько ненависти в глазах, в трясущихся губах! Едва сдерживая злость, мать повернулась и ушла. Не новым швейном, галстуке пятнами расплывшись слезы. Отошли притихшие малыш. Люба бросилась на кровать, а в квартире поминутно хлопала дверь, из кухни доносились приглушенные голоса: опять собрались братья и сестры до полунычи бромат молчания. И дотли заставят встать на колени, и тоже молиться, и проклинать жизнь. Хватит! Не будет Люба молиться! Как стучит

сердце! Но не слышит маленький барабанище, не слышит пионерожка, никто не слышит. Она поднимается, снимает галстук, аккуратно вешает его на спинку кровати и забирается под одеяло. Горючий комочек обиды и горечи щиплет горло.

У всех родители как родители, а у нее... В кино не пускают, в театр — тоже. Приходится уходить тайком, а потом говорить, что была у подруги, и бояться, как бы мать не узнала правду. Они разрешают только молиться. Люба ненавидит согнутые спины братьев и сестер, их скорбные лица, подкаты губы, их глаза, презирующие все красиво, светло, живое. А как болит спина после этих мольб! Врут эти мольбы! Кружится голова, сами собой закрываются глаза. В такие часы Люба боится упасть на пол и думать только об одном: скорее бы спать, спать. Она едва добирется до кровати и забывается... Она открывает глаза неожиданно, будто не было сна и слез. В квартире тишина, видно, кончили молиться и разошлись. Люба поднимает голову и видит спину матери. Та

Каждое воскресенье Роберт с семьей проводит в живописных природных Ленинграда. Но на сей раз Малоземов пришли в Пусский музей.

стоит в двух шагах от кровати, и по шевелящимся пяткам видно — что-то деловит. Раздается нетерпимый треск, Люба вскакивает. Мать резко поворачивается, и девочка с ужасом смотрит на ее руки. Галстук, алый пионерский галстук разорван.

— Пионерка! Вот тебе, пионерка, вот, вот! — швыряет мать в лицо обрывки галстука и уходит.

Люба опускается на пол, собирает кусочки алого шелка и распрямляет на коленях. Вот он, весь галстук. А повязать нельзя. Как прийти завтра в школу без него! Уж лучше совсем не ходить...

— Не слышала девочка стука двери — пришел с вечерней смены старший брат Роберт. Так и застает он ее сидящую на полу. Опускается рядом и ни о чем не спрашивает. Роберт все видит. Его детство было таким же... Молча гладит ее по голове, потом говорит:

— Ложись спать, Любочка. Завтра утром куплю галстук...

— На следующий день она дала уроки, когда мать пришла с работы. Люба опасно поглядывала на нее:

новый галстук висел на спинке стула, — но та или не заметила его, или смирилась с тем, что дочь вступила в пионеры. Люба усложилась и по-веселела. Напряженное оксидное скандала прошло. После ужина разглагольствала с мальчишками. Вдруг вбежал в комнату Павлик.

— Люба, беги скорей на кухню! Люба вошла на кухню и замерла: в пачке догорал новый пионерский галстук. Словно издавна слышала истеричный крик:

— Я научу тебя слушаться мать! Принесешь еще эту тряпку — на мелкие кусочки нарежу, на помойку выкину!

«Завтра обязательно приду в галстуке», думает Люба. — Роберт ее понимает, он купит. Спрячу так, что уже больше не найду. Выбросит — опять новый повяжу. А молится, хоть убей, не буду.

Громко стучит Любино сердце — громче грохотет весенних льдин на Неве, громче веселых талочка малярного барабанчика. «Я, юный пионер... торжественно обещаю...» — шепчут губы.

Дроберт поднимал по лестнице телевизор и думал, как отнесется мать к покупке. Конечно, ничего хорошего он не видел. Когда радио проводили, скандал был, а теперь — Балтика защелкает и к кино ходить, и телевизор смотреть!... Таких «из» не счесть. Мать, настоящая фанатичка, хочет воспитать их в неведении и одиночестве, замуровать в рамках религии. Это все равно что похоронить живого. Не удалось обратиться к богу его, первично...

Двадцать лет назад появились в доме узкой ленткой похоронной. Убила горем, жила она, как во сне. Муж погиб. Как быть? Как воспитывать Роберта? Нашлись люди, пасынки, добрые, верующие, которым выплакала горе свое, которые утешали, наставляли. И вроде полегало. Там, в молящем доме, познакомилась она и со своим будущим мужем — Дмитрием Васильевичем Микрюковым. Вместе пали молитвы, были поклонны. Двадцать лет прошло. Девятеро родилось за эти годы. Теперь оба ни перед чем не останавливаются, лишь бы младших не отдал «адьюлю». Давно сказала Роберту: «Купишь телевизор — разобью, а смотреть не даю. Телевизор он купил, там больше, что сегодня день рождения сразу тронх — Любы, Нади, Коли.

...Роберт внес коробку в комнату, где жила мать. В другой мать мыла пол. Она притворила дверь, увидела телевизор и, дико закричав, скрылась в своей комнате. Роберт изо всех сил толкнул дверь плечом. Мать была, а истерике на полу. Роберт поднял ее, азия сквозь стиснутые зубы несколько капель валерьянки. По-настоящему начала успокаиваться. Крики сменились стоном... Обстановка в доме стала такова, словно над головами повисла свинцовая туша. С одной стороны — мать и отчим, с другой — Роберт. С новой силой вспыхнула борьба, которая давно велась в семье между радостью и мракобесием, между счастьем жизни и ханжеством религии, велась с того дня, как Роберт принес домой комсомольский билет. Телевизор стал «критической каплей, нарушившей зыбкое семейное равновесие.

...Этот день на работе его все время беспокоило предчувствие: не случилось бы чего. Дома паразила небывалая тишина. Девять детей в комнате — и ни одного звука. Странно...

Они сидели на диване, и вошедший Роберта глангул девять пар тревожно-случных глаз.

— Что случилось? — спросил Молчанье.

— Люба, что случилось? — спросил он старшую.

— Мамы сказала, что не будет нас кормить. У вас, — говорит, — есть брат, который покусает телевизоры, пусть он и моргает.

Испуганные мальши смотрели на него выжидающе, с надеждой.

— Что же вы сделали? Проживем.

Идет хохочущий мать. Незаиском от исхода победителей — Малоземов.

Павлик — главная «хозяйственно-бытовая» и «ремонтно-строительная» сила в семье. Он может научить пользоваться пылесосом, соорудить настольный хоккей.

На работе Володя, друг Роберта, строит суды. А в семье Малоземов он преподает ремонт рубашек и брюк.

Люба, одевайся, пойдем в магазин за продуктами. Вера, Павлик, Петя, не ведите в комнате порядок. Надя, Маша, Коля, садитесь смотреть телевизор. Мы скоро вернемся...

— А в мозгу билось: что делать? Почти все деньги истрачены на телевизор. Осталось шестьдесят рублей. На две недели...

Когда потом вспоминал об этих днях, опять улыбался. Но уже по-настоящему. Они действительно были очень тяжелы, эти две недели. Работал он в вечернюю смену. Утром бы-

гал по магазинам и, пока пятеро были в школе, готовил обед. Нагорная малышка, бежал на завод. В двенадцать ночи пришло письмо мать посылу и совет завтра. Слыш, три черточки, а иногда и по два часа. Откуда силы брались! Наверное, от сознания первой большой победы. А мать спосило много не выдала. А мать спосило много не выдала. А мать спосило много не выдала.

Последняя же жестокая надежда — голодом прорыть их к богу — не оправдалась...

Высокое небо отливало эмалевой голубицей. Гордо, переполненный светом, свежестой молодой зелени, встречал первый день лета. Ликующие блики о гранит волны Невы, парни над водной чащей. По набережной набравший силу смерер: Роберт Малоземин и его младшие братья и сестры Вера, Люба, Павлик, Пята, Надюша и Машенька Шин, завихрился за руки, в порыве восторга, к новому, новому, новому которому — сегодняшний день.

Роберт взглянул на их строгие лица, улыбнулся и сказал за два дня. Ему стало легко. Все пошло, журит, липкое теперь болше. Сегодня окончил суд, поздравил не услышит они никогда нудное завывание, истеричное взвизгивание, не увидит дикие глаза обезумевших фанатиков. Дверь суда стала для родителей и детей Микрюковых, правда, пока шестерых трое младших оставили с родителями — дверью в разные жизни. С этого дня они, смерер братьев и сестер, самостоятельная семья. А он, Роберт, онемел. Странное слово — онемел. Знает, он теплере и милый отец, и кузарка, и воспитатель — столько непривычных обязанностей свалилось на него. Знал Роберт: тяжелую ношу ввалили плечи. Знал, что, пока не подарит, для него прощай институт, о котором мечтал, вернувшись с флотской службы, прощай свободные часы и беззаботная независимость. Но не было ни минуты сомнений и колебаний. Заводские друзья, поддержка его и в те дни, когда мать отказалась от детей, и на суде, помогут.

А сейчас, когда они все смотрят на него как на советчика и учителя, чуть сложилось сердце. Не от сомнений, конечно. От большой человеческой ответственности за жизни детей.

Назавтра все смерер уезжали в заводской пионерский лагерь. Дети — отходить, Роберт — пионервожатый. Сколько необузданного детского счастья дал лагеря Микрюковым! Впервые в жизни можно было петь и смеяться не тайком, как дома, а во все голоса дружить и отдавать со сверстниками. Роберт не вымывался в жизни младших, но внимательно наблюдал за каждым: ведь дети прежде росли обособленно, одиноко и не видели расставались с робостью и замкнутостью. Но все шло отлично. Да и начальник лагеря Вера Николаевна Токарева была так заботлива, что Роберт иногда думал, глядя, куда заберется его коммуна: если бы Вера Николаевна была их матерью!

Заметил как-то Роберт, что Павлик несколько дней ходит мрачный, сторонится товарищей и старается не попадаться ему на глаза. «Наужели кто-нибудь обидел мальчишку?» — забеспокоился он.

Выбрал момент, спросил осторожно:

— Павлик, случилось что-нибудь? Тут исподлобья глянул на брата и вдруг заплакал. Да так горько, как плачет люда, долго не вышедшее чужо в одиночку. А когда сквозь слезы Роберт услышал его слова, то чуть не завыл от радости. Так вот что его тревожило — когда примут в пионер-

ры! Молодец, Павлуха! Роберт облегченно вздохнул: раз появились у его подопечных такие заботы, значит, можно за них не беспокоиться.

Любовь Васильева тоже-таки напомнила о себе. Пришла однажды стуча яблоч да арбуз. Но не обрадовалась гостинце, а испугал. Будто разбежалась замывающую рану. Прибежали в Вера Николаевна.

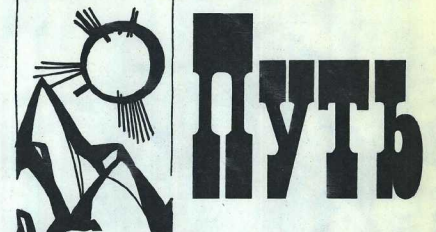
— Что делать с посылкой? А по глазам старших девочек Вера Николаевна уже прочтала решение: не брать да мать отказалась их кормить, обойдется без посылки. Она объясняла девочкам за плечи и одобряюще кивнула: — Правильно.

Павледа Петровна Усаннина — председатель шерфской комиссии. Андрей Карлович Зборковский и Василий Владимирович Белолуцкий — члены парткома завода, где работала Роберт Малоземин. Галя Барнова — секретарь комитета комсомола. Вера Просина, Шура Раманова, Лена Усаннина, Римма Константиновна, Мария Гурвич, Годи — друзья-комсомольцы. И пока пела над Робертовой коммунальной голопестые горы и шумел лес, друзья ни на минуту не забывали о ней. Булавинько, воплотились весь Ленинград. И долго не распрощались, когда узнали: коммуна придет из лагеря в новую квартиру. Четырехкомнатную. Обсуждали планировку, спорили, Ленинград, готовились к новоселью. ЦК комсомола и партийный комитет завода выделили деньги на мебель и белье. Мебель комсомольцы подбирали по своему вкусу.

Целый день Римма, Лена, Шура, Вера убрали квартиру, ребята возлились с мебелью. Подготовка к встрече коллег-новоселов закончилась за час до их приезда. Потом сидели на подоконниках и тизноно пели в ожидании. Светлый ленинградский вечер давал планировку, спорил Ленинград, четко обозначились силуэты новеньких корпусов. Вот-вот покажется Роберт с коммуна... И когда они подошли к дому, в котором жили бы, в котором ни жить, из окна грянула на весь квартал «Мужество знает цель» — любимая песня Роберта.

Роберт задумчиво глядел в окно. Одни за другими гаснут огни в домах, и ночь, ветронная и сырая, становится пологостенной хозяйкой улиц. Уж и со света сбился, на сколько сильнее ответил, кажется, пил бы теплере, но не знаывается, по стандарту. Но для каждого письма находит он «свои» слова. Письма-то разные. В одних просит помочь раскрыть плечи ругать, а переписывают, как следует перья шар. Над такими письмами Роберт думает больше: надо так написать, чтобы ни они сомнения и человека не остелось, чтобы он уверенно выбрался из путинны жизни.

Другие письма читает Роберт с удивлением и улыбкой: восторженными, решительными, в которых называют его героем. Ну при чем тут героизм! То, что он сделал... это просто обязанность сильного по отношению слабым. Это все равно что, выбравшись из болота на твердую землю, подать руку оставшимся там. Ночь полегонку отодвигается, воздух за окнами синеват, сияет ветер. А Роберт мыслит. Почти в каждом письме вопрос: как зиметь сейчас? И он рассказывает о первых летках переключившись Маша, о спортивных успехах Павлика, о заводе, о друзьях, о заботах коммунального хозяйства обо всем, что случается в их необычной семье, живущей обычной счастливой жизнью.

Казалось бы, что нового можно прибавить сегодня к тому, что мы знаем о Ленине? Кажется, ничего. Однако учена пунктуальными библиографами, работы многочисленных исследователей записаны в справочники, и шифры их разложены по ящикам библиотечных карточек. Но люди все равно ищут. И находят. Их поиск — это чаще всего долгие, кропотливые работы за письменным столом в архивах. Их находки — это бесценные документы, восстанавливающие тот или иной эпизод из жизни Владимира Ленина.

Вот уже два года работает над темой «Турестские труппы Ленин» бывший работник ЦК и МК комсомола Л. М. Гурвич. Прочитаны сотни книг, просмотрены груды старых журналов и неизанных записей очевидцев, и уже выстраиваются в стройной хронологии факты, события, ложатся на бумагу маршруты турестских походов Ленин, и вместе с этим просрываются детали и обстоятельства, упущенные в свое время по причине якобы малой важности.

Л. ГУРВИЧ

Всем известно, каким страстным туристом был Ленин. Его неординарная трудоспособность во многом зависела от продуманной организации отдыха. Аутентичный об этом источник «Трудоспособен Ленин в огромной степени. Я близок к тому, чтобы признать его прямо неутонченным: если я не могу этого сказать, то потому только, что знаю, что в последние время нечеловеческие усилия, которые приходится ему делать, все-таки к концу недели несколько надвывают его силы и заставляют его отдыхать. Но ведь Ленин зато умеет отдыхать. Поэтому из самого короткого отдыха Ленин выходит освеженным и готовым к новой борьбе».

Как правило, в турестские походы Ленин всегда увлекал своих знакомых и соратников по борьбе, и поэтому о походах всегда составлялось немало записей и рассказов очевидцев. Уже давно не давал мне покоя рассказ об одном таком походе. Я услышал его от Николая Васильевича Крыльцова. Но сначала несколько слов о самом Крыльцове.

Первый главнокомандующий армии Советской республики, он вместе с Лениным в ноябре 1917 года поднимал знаменитую радиотелеграмму Советского правительства ко всем солдатам и матросам с призывом взять дело мира в свои руки. Член партии с 1904 года, Крыльцов был в составе первого Совпаркома, созданного 7 ноября 1917 года. После заключения Брестского мира его направил на борьбу с контрреволюцией, и в течение двадцати лет Крыльцов работал в органах юстиции. Несмотря на большую занятость, сопряженную с многочисленными обязанностями крупного государственного деятеля, Николай Васильевич находил время для занятий спортом. Он был страстным туристом, и хоть время его тогда уже под цитруется, и помимо, как вместе с молодежью ходил он по Кавказу и поднимался на Эльбурс.

пожаря всех своей выносливостью, находчивостью и умением брать любые неприятности. А жидкования на Памир, где во снегу Крылатко более десяти первоископанных, выдающуюся в число самых опытных и смелых советских альпинистов. Когда в 20-х годах только-только зарождались в стране туристское движение делало первые шаги и мы, комсомолы, отчаянно прогнали ему дорогу (сейчас это может показаться несказанно странно), но у туррема в те годы было много противников. Крылатко одним из первых откликнулся на призы комсомола и был избран председателем только что созданного Общества протестарского туризма и экскурсий, сокращенно именованного ОПТЗ.

У меня в памяти сохранилась одна деталь. Народный комиссар внутренних дел СССР довольно долгое время в том виде транспорта предпочитал велосипеды. Чтобы из Восточного переулка, где он жила, попасть в район бывшего Китай-города, где в то время находилась наркомат, надо было проехать километра четыре шумными московскими улицами. В начале 30-х годов в Москве еще не ввели извощиков, в центре продолжали ездить и греметь трамваи, но уже появились автобусы, маршруты метро, и потому пошелком изобретения привезли Крылатко, провалявшегося на своей юркой машине по тресклым улицам Китай-города, нередко оставлявшим милиционеров, предлагая в целях безопасности вести велосипед в руках.

— Почему бы нам не ездить на работу в автомобиле! — не раз спрашивали его товарищи из наркомата. — И быстрее и удобней.

Быстрее — да. А насчет удобства пристращаю меня Владимир Ильич. Он, как известно, любил ездить на мотоцикле, чем и любил провозить. Он ходил с Ильичем в Галичину, тоже рекомендовал. Очень везло.

О своих походах вместе с Лениным Николай Васильевич много рассказывал нам, комсомольским активистам. Он ходил с Ильичем в Галичину, был вершинам Высочек Татр, бродил с ним в горной Швейцарии, а после Октября, в первые годы Советской власти, не раз бывал спутником Владимира Ильича в подмосковных прогулках и на охоте.

«Он всегда ладил уйти на прогулку», — вспоминал Крылатко. А сам Ильич часто поругивал товарищей за неумение беречь свой সময়:

— Ваша работа будет гораздо продуктивней, если вы часами побродите по лесу, чем если будете сидеть в лудинской комнате, бесцельно тереть лоб и гонимые парпозу за шиворотом.

Крылатко рассказывал, как, живя в Швейцарии, Ленин никогда не упускал возможности выкроить день-другой и уйти в горы. Вечные снега, голубые озера, шумные водопады —

Ленин любил природу Швейцарии, и, когда приезжал к нему товарищи из России, непременно тащил их в горы любоваться их диковиной красотой.

Ленин не любил ходить один — сказывалась общительная характер, — а в коллективном походе особенно четко проявлялась несоблаженная ленинская общительность.

— Ленин обладал самым ценным для туриста качеством, — рассказывал Крылатко, — был в любой обстановке промишляющим товарищем.

Владимир Ильич объективно требовал и добивался равенства в несении тягот походной жизни, никому не разрешал за собой ухватываться и опекать себя. В походе как и во всем, Ленин был образцом организованности и аккуратности. Рюкзак его всегда был уложен заранее, еще в вечеру, он первым проходил к месту сбора, а потом еще, саузалась, заходя за припасами товарищам — бывали и такие — и незло их журил.

Великолепный физический тренированностью, умением много и долго ходить всегда вызывал Ленина — ему не раз приходилось подбадривать своих спутников, менее приспособленных к переходам и восхождениям. Трудно представить себе более веселого и жизнерадостного спутника в походе, чем бывал Владимир Ильич. Зарисковатый смех и веселые умение незло подшутить над промахом товарища, способность отключиться от всего делового и полностью отдаться отдыху, бывшая ключом разговора об общении с природой, простота и задушевность делал Ильича душой компании.

И вот я снова возвращаюсь к тому, с чего я начал свой рассказ. В моей памяти сохранилось описание одного такого похода. Я помню, Крылатко рассказывал, как он, Ленин и еще группа товарищей в 1914 году совершили восхождение на великую Раппель-Дене в Швейцарии. Но когда я попытался включить рассказ об этом эпизоде в одну из своих статей, редактор журнала совершенно резонно возразил.

— Это очень интересно, но, когда речь идет о Ленине, все должно быть абсолютно достоверным. А чем вы сможете подтвердить этот эпизод, кроме собственной памяти? Эпизод вычеркнуты. Правильно, конечно. И в те же время было объявлено, что Ленин, выходящий из Москвы, к горам пошел!

Как же вы так подтверждаете? И где? Архивов Крылатко не сохранилось. Очень хотелось бы увидеть в Крылатко иногда рассказывал о туристском отряде Владимира Ильича. Может, что-нибудь сохранилось в архивах? Но, конечно, промажу советского туризма и экскурсий было ликвидировано еще в 1936 году, и часть его функций передава созданному тогда туристско-экскурсионному

управлению при ВЦСПС. Нет ли там каких-либо данных? Или в ВЦСПС. Ничего утешительного: в 1941 году осенью, при приближении немцев в Москве, весь архив этого управления был уничтожен.

Расширивая список старых товарищей.

О походе с Лениным! Да, Николай Васильевич рассказывал, — отвечает они, — но где и когда, тогда уже, не могу вспомнить.

В Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПС собрано все, что удалось и когда-либо печаталось о Ленине. Это громадный и богатейший фонд, многие тысячи названий. Тут и труды ученых, и воспоминания друзей, и бесхитривые записи людей, хоть раз слышавших или видевших Ильича. Бережно хранятся и внимательно изучаются сотни рукописей, готовятся к печати новые книги, помогающие зреть уму и глубже изучить ленинское наследство. Но в опубликованных когда-то воспоминаниях Крылатко и в воспоминаниях сохранившихся его рукописях нет даже упоминания о совместных походах с Лениным.

Составил последний путь: изучил все туристскую литературу тогдашнюю и попытался найти там хоть какие-либо следы. В свое время ОПТЗ выпускало два журнала, книги, бюллетени. Наиболее полно все эти издания представляла во Всесоюзной библиотеке имени Ленина. Но и здесь сохранилось далеко не все. Кое-что можно найти в библиотеке Московского клуба туристов, куда была нередко обширная и уникальная библиотека ОПТЗ. Правда, неоднократно «чистка» основательно ее обедняла. Решаясь перевернуть оставшееся.

Тысячи страниц, посережних и пожелевших от времени, передалстам и прочитаны, а результатов пока никаких. И вдруг — это всегда бывает неожиданно — в туристском журнале «На суше и на море» тридцать третьего года издания нахожу стенограмму выступления Крылатко, того самого выступления, где рассказывалось об восхождении на Раппель-Дене! Выступление, которое не зарегистрировано в научно-справочном кабинете Института марксизма-ленинизма и о существовании которого работники института даже не подозревают. Вот оно:

«На самой вершине стояла баша, где мы могли за значительное количество франков поинтересоваться приват и прочее. Вот тут мы и отпраздновали.

Было нас четыре человека. Владимир Ильич шел вперед с рюкзаком, а за ним следом шел Владимир турист, а ходил он превосходно с точки зрения туристской выносливости. Мы побывали наверху и только поплыв назад, — когда шел назад, стал совсем темным.

Мы шли по тропинке и незаметно свернули с нее. В конце концов пришлось нам идти напрямик. Пришлось

спускаться с очень крутой горы, заросшей колочими кустарниками, и я вышибаю, как ила Владимир Ильич. Когда я подала руку, Владимир переделал во время путешествий и эскадрильи, то вспоминаю ту исключительную, типично туристскую физическую выносливость, которая была проявлена Лениным. В то время, как другие шли: куда мы пошел, да куда мы идем, выйдете ли мы, куда следует, да не делайте ли мы дела в предельно легкой форме Владимир Ильич говорил: «Этот вы боитесь, идем, идем!»

В той же стенограмме я нашла упоминания и о первом походе Ленина. Я помню этот эпизод со слов Крылатко.

Это было уже после Октября, под Московью. Дело происходило ранней весной. Снег отошел, но земля еще не прогрелась, и реалие несказанно мешала вязкую грязь разбитых подомосковских дорог. Из резкие ветры и непогода, ни даже несколько раз в тот день выпал снег, но дождя не начал оставаться Ленину, раз уж Владимир свободное от работы время. Владимир Ильич с группой товарищей, включая ильича, решил пойти туда, бродить по лесам и полям Подомосковья. Прогулка затеялась, и возвращаться пришлось в темноте. Мокрая раскисла отливала усталые лица. Внезапно наступившая ночь застала группу в лесу, и шедший впереди Крылатко объявил с пути. Вышел на какое-то поле, оно оказалось гнилым, и каждый шаг давался с огромным трудом.

Я хочу напомнить, каким было Подомосковье тех лет. Сейчас оно сильно электрифицировано, густо заселено. Бетонные автомагистральные дороги соединяют многочисленные города и поселки. А в те годы Подомосковье тоулау в темноте и в дождь. Мелкая вода текла по дорожкам — итнгдажды километром и не встретить ни одного насаженного путика. Время было несказанно. Еще была гражданская война, шивки бандитов раскисали по дорогам. Москва, но повалывалась и в самой столице, и естественно, кое-что из туристской группы начала вымываться. Мало ли из кого можно наткнуться в эту кромешной тьме! А в состав группы — Ленин.

Владимир Ильич держался очень задорно, уговаривая возвращающихся и усталых:

— Не беспокойтесь, выйдем на дорогу!

— Ни одного слова упреха он не сказал мне, — вспоминал Крылатко, — только именно я был повинен в том, что мы тут сидим. И вот я думаю, что, хотя бы не сумел правильно сориентироваться, и другие меня ругали, но Владимир Ильич предложил пойти по дороге, но выходя ступая следы и тыла всех на нужную дорогу. Он видел, что я сделал все, что мог, и в эту трудную минуту его спокойствие, дружеская, чисто товарищеская поддержка вернула всей группе хорошее настроение.

Свое выступление на пленуме ЦК ОПТЗ Крылатко закончил словами:

«Этот великий мировой революция находила время и для нашего туристского дела. Для нашей туристской работы, ума был образцовым и в этом отношении. Мне хочется закончить воспоминаниями, чтобы мы развивали и дальнейшем все больше и больше творения туристской работы, не забывали и образцов, оставшихся нам в наследство. И в будущем, когда мы вернулись бы в туристском деле, не было бы невозможно походить на него.

Эти слова и сегодня звучат современно.

А б а к а н - Т а й ш е т

Шумит тайга в металлической круговерти.
И вьвету я, сквозя вьюги зрых лет
Летат, как птицы, авианеверты
Под облаками. Абакан — Тайшет.
Их пишут работяги и проробы
Ангарские окселигетыхы ноцы,
Крановщики, ботосионци прораноц,
Землепроходцы, след потерян чей.
Они ушли, прерваны и суровы,
Безвестным солдатами дорог,
Ищите их, товарищи Смирновы,
Певцы, бытосионцы эпохи!
Их разнесла судьба по белу свету...
Метелей белых плачут солонны.
И женщина в металле идет по следу
Неразделенной, может быть, побед.

Геолог ли обреч ее на муку
Иль верхолаз — архангел высоты!
Шумит тайга, сводит гнезда музу
На яростных вершинах раскаты.
Метель метет. И стынет в жилах солонца.
Метель метет, дороги прекерыв.
Но женщина отчаянно смеется,
Прерываю личи в слезах прикрыв.
Опномчен ее святые мухи,
Она его искала и — нашла!
Берет он в обмороченные руки
Как будто солонный для крыла.
Шумит тайга, сводит гнезда музу.
Шумит тайга в металлической круговерти.
И женщины счастливы в мире не!
Летат, как птицы, авианеверты
Под облаками. Абакан — Тайшет.
Их пишут работяги и проробы,
Высокими напряжения змея,
Где члнат, может быть, и не находит
Отчаянная женщина менз.

«Э л е к т р о с и л а»

В мгновенных озарениях России,
В заторах последнего труда
Восходит над тобой, «Электросила»,
Звезда работы — ротора звезда.
Я в чех вхожу,
Я вижу твой характер
Турбино-генераторных позм,
Для тех сибирских яростных галактик —
Стальные диски солнечных систем.
В ритмичном гуле,
В листопадном вихре,
День, как полз, приходит на завод,
Где ветерок из-под носынки выibil
Обмотчиц-девички завиток;
Где снью электросварок озарила
И силу рук
И сердца перестук — «Электросила»,
Все это ты, завод «Электросила»,
Охрипший от работы и протуст!
Распалсанный под сводом чеха статор —
Я вижу,
мена отороп берет.

Завод — ракета перед новым стартом,
Железная симфония — завод!
Озарившие ядру хорзв Братска,
Они во мне возвышенно звучат.
И я с комсомолом растулю по-братски,
Нырью в ленинградский листопад.
Меня несет в метро «Электросила»
Рабочей смены сильная воля.
И чьм-то вдохновенным и красивым
Душа моя сейчас напоена.
Нахлынувшие лица,
лица,
лица.
Рабочий город Ленина, лети —
Проектантам, где звездолодят листья,
Проектантам, рожденным в пути!..
И сплыва меня проедят, как ток,
Россия
Гортанным полиханием стихов,
«Электросилой»,
музыкой
и силой,
И яростным дыханием чехов!

М а л ь ч и к е т р а н з и с т о р о м , и л и с т о с о л о в ь е в

Спел лес свое.
Отмстосадили.
И, напевая снью-тоску,
Одну лишь лесине мне оставил —
Новую птичку на суку.
О чьм поет чумная птичка!
Как в коммунальной тишине
По лесу женщина томится,
Тоскует женщина по мне.
Ах, птица,
Словно головешка
На обгоревшей мачте днел!
А ты, вину, дороска-стенка
Блещет меж пней лесного днел.
Дерева вокруг нее ланной.
И черен лес.
И страшен я.
И нету у меня любимой,
И, значит, нету солонья.
Так птица караект упрямю.
А лес пронзительно молчит.
Лишь взвизгивает пилораме,
Да где-то элетричка мичит.
И хруст валенонка,
Как выстрел.
И вдруг — как чудо из чудес! —
Мальчишка,
на груди — транзистор —
Сто солоньяев влетают в лес!
Сто солоньяев в лобан клануться,
Сто солоньяев поют, свистят,
Что судьбы, как орбиты, гнутят,
Когда по ним летят сердца.
Всплывают ягоды в крован.
И где-то женщина смеется,
Кивается милому в лобан!..
Идет мальчишка черным лесом.
А мир безумствует, гудя.

По президенту служат мессу,
«Ave Maria» выводи,
И, заглупив рон-и-роллам,
В ноябрьском, сумрачном лесу,
Звучат сороки, барбароллы,
И ветки хлещут по лицу,
И замриают орнестранты,
Когда у мира на краю
Добро и зло, как дуэлянты,
Но круче сходятся в бою.

Любовь, как яблоню, багрова
В саду, где гнезда вьет гроза.
Она, как молния без грома,
Ее бессмертная лоза,
Что дарит и не дарит грозды,
Улыбку, смех, скользкий свет.
Любовь приходит слишком поздно,
То слишком рано, прав поэт.
Но в этой солонечной системе
Ее законов и страстей
Она пришла ко мне в то время,
Когда не думал я о ней.
Все было просто и не просто:
Принимов Бредди ован,
Клубился стонций-90,
Летели мачты свокоз туман.
А мне казалось, это ружо
Вздымал крест-накрест Человак,
Любовью брошенный на муку,
В двадцатый век — в двадцатый век!
Стрелой носмической пронзением,
Двадцатый век — двадцатый век.
Я твой любовь непобедженный,
Любовь приливный, слово шквал.
Морей солоних
Сильный слезы,
Шел протча — не по воле воин..

И лес поет.
И нету смерти.
И в небо, словно из гнезда,
Взлетает певчий птички сердце —
Мой солонья, один из ста.
И есть любовь.
И мир чудесен,
Когда навстречу, налегие,
Идет мальчишка черным лесом.
Сто солоньяев — на решенье!

Писали «блочком» матросы
На палубах чьм-то чарства.
Летели в бездну чьм-то чарства.
Минуты каинем шли на дню.
Когда сказал я милой:
Здравствуй!
И распахнул в тот мимю окно,
В амр
гневный,
яростный,
покорный.
В поту кузниченом и в пылу..
Любовь — как зарево от горна,
Как пригнетение Замли,
Что вдруг видна в иллюминаторе
Ракеты, взрешвая простор...
Любовь.
Он днел ей не надо,
Ни славы, надуи и нустой;
Ни тышины благополучья,
Что в слабых, как грибок, вросла.
А в мире, взошла и шугуча,
Любовь добра, метелью, зла,
И неподкупна и слово
В свершениях жизни и судьбы..
Любовь, как яблоню, багрова
В саду, где правят солонья!

Мхины, Плато Расумчорр. Небольшой поселок строителей рудника Центральный. Много легенд сложено об этом поселке и обитателях «Малой Антарктиды», как называют здесь высокогорный рудник. Я побывал в соде по хибинскому беспутью после сильного летнего бурана...

Александр Атминкин, бригадир проходчиков, в ответ на мою просьбу рассказать о самом интересном только покачал плечами: «Да вот один парень по имени электробритва... А потом еще случился приемником выше...»

Мне думалось, что Саша меня разгневает. Но я все-таки попросил его рассказать и об этом. Оказалось, действительно забавная история.

Горняки Расумчорра любил слушать по вечерам старейший радиоприемник. Он был их другом. В полярную ночь, когда на плато бушевала метель, приемник рассказывал веселые истории, рассказывал песни, сообщал о событиях в мире.

Около приемника зимовщики сражались в шахматы. Зеленый глазок индикатора внимательно следил за игрой. Щурился, оценивая удачный ход. А если кто-нибудь допущал непростительный промах, глазок удаляемо вспыхивал, и динамики начинали трещать и гудеть.

Слесарь Волода не выносил этого шума. Он не мог заснуть, если до него доносился треск радио. Даже видя садящийся сон, он вскипал с постели и поворачивал ручки выключателя. Зеленый глазок обижено зухал. Зимовщики знали: если приемник извонит замком, — это дело Володиных рук. Волода в совершенстве овладел искусством выключать приемник внезапно, незаметно, с ловкостью человека-невидимки.

Но вот однажды, завяда какой-то спор, горняки не выжили, как приемник утек. Сначала на это не обратили внимания. Потом кто-то растерянно прошептал: «Сгорел...»

Это поразило всех. Ребята вглядывались в глазок индикатора, надеясь, что вот-вот в глубине его вспыхнет зеленая точка. В комнате стало тихо. И тут все услышали, как воет на улице ветер. Это была неяркая музыка. Ее не замечали раньше, пока действовал приемник. А теперь вспомнили, что жемут они под сугробам, что единственная «музыка» поселка — щитовой деревянный тоннель сквозь толщу снега, и если выбраться через штурмовую люк наружу, Расумчорр встретит холодным дымчаным туманом. И только антенна будет торчать из сугробов, как перископ подводной лодки. Неужная теперь антенна.

В суматохе дал, однако, вскоре все забыли о приемнике. Он стоял в углу. И только однажды кто-то привел мальчика по его пыльной крышке, оставив борозду на полированной поверхности. И это было как укор: забросили своего любимца. После этого ребята решили заменить приемником и отремонтировать его. Правда, никто не знал, как сделать это, потому что специалисты радиодела на плато не нашлось.

Заглянули на огонек к Толье, проходчику участка.

И ДА РАДИО АНТАРКТИДЕ

Виктор СМЕРНОВ

Он держал перед собой фотоаппарат малыша и бормотал: «Муха, муха, цоцухота, позолоченное брюхо...»

Ребята прислули:

— Толь, вопрос можной!

— Ну! «Муха по полю пошла...»

— В детский сад готовишься?

— Да нет. Сам у меня в долине Юксюринор.

Когда в поселок спускалось, просят сказку рассказать. И какусть непременно. Условия ставит серьезные. Так что извините... «Муха по полю пошла и колючку нашла...»

— Шутник!

— Парень у меня любознательный. Он обо всем может спросить. Чего сам не знаю, лезу в книжку.

— А о приемниках не спрашивал?

— Нет, не приходилось, — сокрушено ответил Толь, — мать пока его к электрическим предметам не подпускает.

— Жаль. А то бы и сам теперь был подкован... — Нет, не приходилось, — сокрушено ответил Толь, — мать пока его к электрическим предметам не подпускает.

— Если бы бульдозер или, к примеру, танк — лучше у меня выходило... Спрашивали у многих. В конце концов выяснилось: зимовщики могут починить электрорадиоприемник, реактор атомной подлодки, бульдозер, детскую коляску, умеют поставить сруб, замачив в пургу кистер от последней слички, убить медведя, поймать за хвост лядунку курапатку, приготовить обед из трех блюд. А радиоприемник...

Помог случай. Заглянул как-то к Володе Анатолию и предложил сыграть в шахматы. Волода только головой мотнул: запрет. Раскрыв, словно створки раковины, лоловинки пластмассового корпуса электробритвы, он ковырялся в невентроре механизма. И тут в голову Володиного друга пришла светлая мысль: если человек бритый умеет ремонтировать, сооробит и насчет приемника!

Через минуту ребята принесли радиоприемник и запасные части: паяльник, кусок жести, несколько перочинных ножей, старый будильник, трансформатор, моток провода, тусненнный трад.

Всю ночь Волода присидел за столом, не в силах прийти в себя от потресания. Сколько раз прежде, выключая ненавистный приемник, он хотел стунуть как следует по тонкому полированному корпусу! А теперь вот в его лапках трелес маленькие, друпкие и беспомощные, как пенцы, лампы. Сожми покрепче пальцы — и все. Спокойная жизнь, крепкий сон... К утру на столе заребрился, зазеленел законно и законно будильник. Оказывается, Волода, сам того не заметив, почти мажимально отремонтировал старые часы, приемники нечего не получалось.

Стали готовить энтузиасты. Сообща рылись в справочниках, звалили вина, на абсолютную змелло. С горем пополам что-то исправили в схеме. Оказалось, еще не хватает одного сопротивления. Замок общаца послать телеграмму в Мурманск. Толь собрался вать отпуск за свой счет, поискать деталь у друзей в долине. Однако ехать никому не пришлось.

На плато поднялся мощный бульдозер, из кабины его выпрыгнул водитель в меховом комбинезоне, что-то поискал в многочисленных карманах. — Послычку привез. Как бы не потерять козавку... Маховикная таква, того и глади проскользнит, будто ругты, сквозь палыды. Пioneры прислали: говорят, ответственная деталь. Да вот она — в портигоре спиртал.

В воскресенье на руднике был маленький праздник. Пусть гда-то задули сейчас ласуно дожди, созданы турбинку, построили дом. А здесь отремонтировал старый приемник. Ведь он тоже очень нужен.

АТАКУЕТ ФЛОРИН ГЕОРГИУ

В последнем южешском первенстве мира победу одержал талантливый румынский мастер Флорин Георгиу, который «по всемирности» является двукратным чемпионом своей страны.

Предлагаем вниманию читателей браурийный финал партии Чтеску — Георгиу, сыгранной в одном из турниров в Румынии. Яркий стиль игры

юного чемпиона мира как жесткие лучше характеризуются этим примером.

Георгиу, играющий черными, смело жертвует ладью, развивая опасное наступление на позицию неприятельского короля. Последовало: 16. ...d6! 17. К: а8 Фh5! 18. Фf2! (Премущество было на стороне черных и в вариантах 18. Кb6 e5! 19. Kf2 e 20. Фc4 Nc4 21. h3 К: f2 22. Kp: f2 Фb1 или 18. Kc7 Cc6 19. g4 efl! 20. qh fe 21. Kf1 C: c7 22. Л: e2 К: h5! 18. ...af 19. Ф: C: f3 20. Лd3 C: a8 21. Лd3 e5! 22. Фe3 Nc4 23. Cb6 К: c3 24. Ф: c3 Ch4 25. Фh3 Cf2 + и белые сдались.

ГЛАВНОЕ СТОИТ ЗАЩИЩАТЬСЯ

Утверждение: «Тарту — студенческая и спортивная столица Эстонии» — легко доказать только в первой своей части. Город, в котором лет в 30 тысяч жителей, имеет университет (один из старейших в стране), сельскохозяйственную акадепию (один из крупнейших в стране), пять техникумов и 6 тысяч студентов. Что же касается второй части утверждения, то здесь один фразой отпалываемся.

Если бы при определении спортивности исходил из принципа «на душу населения». Самая маленькая «наше республика» наверняка была бы главной претенденткой на звание спортивной, хотя и не существующей официально титул чемпиона страны.

Эстонцы любят спорт и знают ему цену. Свидетельство тому и шутка, рассказанная мне одним эстонским журналистом («Есть один эстонец, который занимается спортом и не любит его, но он работает не в Эстонии...») и неутраченный тирани «Спорт-дефекта» («Спортмен» газет) 45 тысяч заземляров Читатели любят свою газету: не мне трудно подняться, еще труднее нутить ее в киоске. Газета любит своих читателей. «Спортдефект» — единственное наше спортивное издание, которое выходит регулярно. Издания интереснее соревнований проводятся, как правило, по воскресеньям, и читателю «Спортдефекта» в отличие от читателя «Советского спорта» не надо дожидаться вторника: все что он хочет узнать, он узнает в понедельник утром.

Эстонские тренеры не доказывают родителям своих своих воспитанников, что спорт — это хорошо и поэтому не нужно мешать детям заниматься спортом. Каждый зимой решено было провести лыжную вылазку по маршруту Тарту — Отепя — Тарту. Тарту, Отепя — 20 километров. Дистанция — в 56 километров — шутка сказать. Вот почему решили возрастной состав на эту дистанцию разделить, кому уже исполнилось 17 лет, все уже в походе участвовали даже 13-летние спортсмены. Странная загадка: дети до 17 лет на трассу не допускались! Был отменен под давлением превосходящих сил «противника» детей и их родителей.

Мужны очень высокие основания, чтобы быть спортивной столицей спортивной республики. У Тарту они есть. Тарту — это борец Моганесс Коткас, боксер Роман Каристе, легкоатлет Хейно Липп, Март Паама, Кауто Метсур, Каю Юртамия. Лайне Эрин, Вяйне Марзие, Райн Аун, Аинс Медис, теннисисты Петер Завл и Инна Калвинг, пилотбор Ханно Салгв, шахматист Мво Нев, баскетболисты Эдгар Наристе, Ильмар Муула, Как Липсо, Тауо Лестиме, Марет Таса, Валле Юокстеп. Любителям спорта эти имена известны.

Тарту — это город, в котором культивируются все виды спорта, кроме бадминтона и хоккея с мячом.

Тарту — это 20 тысяч людей разного возраста (от пионеров до пенсионеров), регулярно занимающихся спортом.

Для тех, кто сомневается, что всего этого мало, что все это еще не дает Тарту права именовать спортивной столицей Эстонии, я готов выложить по возможности больше фактов. Тарту было вручено переходящее Красное знамя за достижения в развитии спорта и массовой физкультурной работы. Красное знамя за победу и за республику «на стороне».

Быть может, это переходящее знамя и по сей день находилось бы Тарту, если бы не решение Центрального Совета спортивной общности и организации СССР. И соревнования стали допускать города с населением свыше 100 тысяч жителей. Так что Тарту придется переждать два-три года, пока население увеличится на 20 тысяч человек.

Спортовому журналисту впервые прикасавшемуся к Тарту, обзаведаясь приходится заниматься перекопкой архивов. Я бывал во многих городах и хорошо знаю, как патристично спортивная журналистика «знает» чемпионов страны? Он сейчас живет в Москве, но находит он у нас, «в этом году» наши первоаудиторские долины стать мастерами спорта? — Такие репутации заслуживаются городам как долины: чем же это долины гордится спортивные «отцы» города?

В Тарту все иначе. И здесь гордятся своими земляками, принесшим Тарту заслуженную спортивную известность. Но это не единственный и, я бы даже сказал, не главный повод для гордости.

Вот о чем мне рассказали, не дожидаясь распросов.

О том, что в городе 130 мастеров спорта (I).

О том, что из 6 тысяч студентов не занимается спортом только 700.

О том, почему на хатинго значное участником 15-километрового лыжного гонимого. Гонимый в походе участвовало 1 200 человек. На этот раз справедливо решилши, что число участником возрастает, заказали 2 тысячи знамен. После окончания лыжной вылазки выяснилось, что в самом срочном порядке надо заказывать еще тысячу.

О том, что в нескольких классах одной из тартуских школ уроки физкультуры проводятся ежедневно. О том, как делается, как ходит, как живут себя ребята этих классов и как заставляют их те, которые учатся в «экспериментальных» классах.

Во время всех этих бесед заметил, что в разгу не было упомянуто слово «массовость». Может быть, потому что это в общем-то хорошее слово тартуская пресса, потеряла интерес к этому слову. А может быть, потому что в нем не было никакой важности массовость, а не разговоры о ней, подумавши, однако, что, иринуя обобщить массовый спорт в Тарту обделают вниманием мастеров, рекордсменов, чемпионов.

Мастерство и массовость — две стороны медали, именуемой спортом. В Тарту заботятся о том, что должно приносить спортивную славу города, республике, стране. Заботятся, но забывают. Немного об этом камнем в бальтуте, речь идет о людях, так называемых «звездных солдатах» всех ее пропаллиши.

Что такое звезда, со звездной болельщице у нас заставую бороться, когда она уже запущена.

— Март Лага — отменный баскетболист. От него, надо полагать, не отпадет ни один человек, что это «наш» — команда, честь которой он защищает, то ей он, как говорится, был нужен позаряд. Самый высокий, самая опытная и гордая команда. В первом случае второй по силе игрок «Наших» еще не стар даже в пинчкном смысле этого слова: ему 27 лет. Не задолго до начала XXXI чемпионата страны за нарушение спортивного регламента Лага был отчислен из команды. Отчислен по инициативе Илмарина Куулама, тренера команды человека.

Куулама, тренер команды человека, был заинтересован в том, чтобы Лага остался.

«Наших» занял в чемпионате шестое место. Это безусловный успех команды. Могло было бы случиться, что этому способствовало отчисление Лаги. Но это утверждение не соответствовало бы истине: с Лагой команда безусловным сыграла бы удачнее. Куулама знал об этом лучше, чем кто-либо из нас. И все-таки решился на крайнюю меру.

Семидесятилетний Андрус Суйн — надежда Тарту и республики: он двукратный чемпион СССР среди юношей по академической гребле. Грех, чтобы он совершил, на первый взгляд ничтожное. Ну, решил плавить бросать шайбу, что не, пусть не учится, пусть работает. В тартуском горспортсменстве, однако, решили иначе: пусть работает и учится, а не жонглирует шайбой. Спортсмен Андрус не бросил спорт. Он и работает и учится.

Люди, рассказавшие мне эти истории, удивившись моему удивлению, смеясь их высказываниям, дали примерно такой: от недоросля-чемпиона, от пловца — мастера спорта вреда больше, чем от обыкновенного недоросля или нетитулованного пловца: спортсмен — это не только очини и медали, спортсмен — это в первую очередь талант.

Я был давлен от мысли писать трактат о развитии спорта в Тарту. Это просто самшит журналиста, впервые побывавшего в небольшом, но очень спортивном эстонском городе.

Хочется, чтобы Тарту был не исключением, а правилом. И не только в Эстонии.

А. ПИНЧК

Где же мяч?

Загадочная картинка: куда
девались игроки?

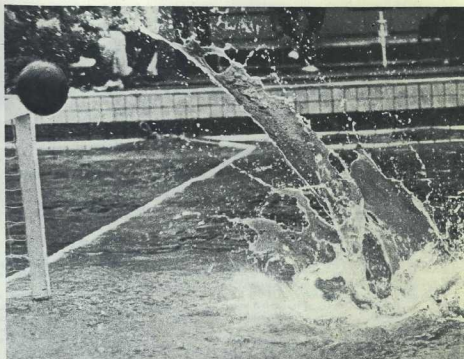
Новый «способ» прыжка.

Коллекционирование — «болезнь» очень распространенная. Одни собирают марки, другие — спичечные этикетки, третьи — что-нибудь еще...

Мы предлагаем читателям познакомиться с фрагментами одной необычной коллекции. В течение многих лет спортивный фоторепортер Анатолий Бочинин старается поймать фотобъективом смешные, курьезные происшествия в спорте. Прыгунья, машинально схватившая в полете планку, гребец, dokonяющий свою лодку, столкновение футболистов — во всех этих снимках видна добродушная, дружеская улыбка человека, хорошо знакомого со спортом и спортсменами.

Погоня.

«Бой местного значения».

а фотографии — Красная площадь, занятая веселым радостным солнцем. Видно, фотограф много часов провела на крыше Исторического музея, чтобы выхватить из потока мгновений одно-единственное, которое так непосредственно и возлюбленно передавало бы величие Кремля, красоту собора Василия Блаженного.

Первым долгом стоял перед стендом. Я подошел к нему и спросил по-английски:

- Нравится Москва!
- Я видела ее год назад, — ответил он по-русски со слегка заметным акцентом, — всего неделю у вас шли дожди, Москва выглядела мрачной.
- Вы хорошо говорите по-русски. Милии у нас?
- Нет. Я знаю английский, французский. Выучил и русский. Из любопытства. Хотел читать ваши газеты и журналы.
- Какой же ответе предпочтете?
- Детской «Известной правде». В ней меньше всего политики...
- Макс! Циммер! — закричал кто-то снизу.
- Простите, — мой собеседник протянул руку, — я тороплюсь.
- и Он быстро сбегал по лестнице.

Через несколько дней, когда закончился Всемирный нефтяной конгресс во Франкфурте-на-Майне, я с двумя своими друзьями, учившимися в ГДР, Николаем Касовым и Валерием Бедягиным, оказался в городе Майнце.

Надвигалась гроза. Воздух оцепенел. Смолоки гудки катеров, носившихся по реке, перестали шалестить шины автомашин, утки рбейный гам на детской площадке, опустели улицы.

Вот упали первые крупные капли, и мы, не раздумывая, в несколько прыжков пересекли деревянный настил и очутились в маленьком плаву-

В. ГУБАРЕВ

чем рестораничке. Народу было немного. В одном углу трое американцев тили рейнсом вино, в другом — семь-восемь немцев потягивали бокалы пива.

Мы устроились у самой воды. Услужливо подлетела официантка. Мы тоже заказали пиво и нечли отвести душу. Наконец-то можно доволно поговорить по-русски! Мои друзья уже много месяцев провели здесь, и новый человек с Большой земли для них — праздник.

Рейн вспенился. Слово миллионы гододей бжало в его спину. Крупные капли дождя весело тарбанили по тенту...

Их мелодию нарушил рестурки каблукос по настилу. Человек вошел в ресторанички, снял пальто и повернулся к нам. Я узнал его: Макс Циммер. Он тактико увидел меня, подошел, подговорился со студентами.

— Если гора не идет к Магомету, значит, он идет к горе. Так, кажется, у вас говорят?

— У нас еще при этом спрашивают, — ответил я не очень дружелюбно, — каким ветром занесло? — Я знал, что вы приедете. Они сказали: — Он указал на студентов. — Я учусь здесь, а университете. А вы, конечно, не могли не приехать в Майнц, не посмотреть на наш университет и на колонну Наполеона! Этот обитый годами столб у всех иностранцев вызывает восторг, а в частности, новое слово, не найду в нем ничего особенного. Еще одна человеческая выдумщина.

— А как много? — Чрезвычайно. Но это длинный разговор, а вот у меня к вам будет один вопрос. В некоторых газетах появилось сообщение, что в Босфоре турки поймали сетку русскую отомую подво-

ную лодку, да-да, настоящую лодку. Что вы об этом думаете?

Он смотрел на меня в упор. — Я думаю, что опровержений в наших газетах не будет. Каждому мало-мальски грамотному человеку ясно, что сетку подводную лодку не поймал. А вы, студенту...

Он торопливо преврал меня: — Он торопливо преврал меня: — Он торопливо преврал меня это, как мнедичу. Уж болшо у вас развито это чувство — объяснять...

— Нуно, чтобы нас понимали правильно, а не преврато.

Разговор оборвался. Молчание нарушил Циммер.

— Я познакомился с некоторыми вашими делегатами на нефтяном конгрессе, с теми, кто полагается... Макс затннулся.— И меня паразито то, что многие из них приехали из Казахстана, Баку, даже с Сахалина, короче говоря, яно не из Москвы и Ленинграда, и они правосдоно знают французский или английский, а некоторые даже два-три языка. А один, из ГДР, лучше меня говорит по-немецки. Удивительно! Я не мог поверить. Когда я жил в ГДР, я много слышал об этом...

— В ГДР! Простите, вероятно, нетактично спрашивать, но почему вы перешли в ФРГ?

— Я знал, что жизнь здесь казалась оттуда лучше, интересней.

— И что же!

Макс затннулся сигаретой и долго смотрел на парозод, который нехота поднимался против течения.

Короткие интересные факты

Тайны планеты разгадывают кирпичи

Величина магнитного поля Земли с течением времени медленно меняется. Знание закономерностей этих изменений помогает изучать процессы, происходящие в глубинах нашей планеты. Однако наблюдения, ведущие к обнаружению за жидким ядром, были созданы всего лишь пятьдесят лет тому назад. Ученым же нужны данные за последние несколько сотен лет. Можно ли их получить? Оказывается, можно. Но помощь ученым приносит археомегнетизм.

Ленинградскому ученому, сотруднику Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн АН СССР Е. И. Торкозу удалось проследить изменение магнитного поля Земли в районе Ленинграда за два с половиной века, то есть с основания города до наших дней. Об этом ему рассказали... кирпичи. Самые обыкновенные кирпичи. Они были взяты из двенадцати зданий, построенных в разное время из Главного штаба, Летнего дворца Петра I, Дворца Меншикова, Петропавловской крепости.

Оказывается, кирпичи обладают так называемой остаточной намагниченностью, которая зависит от величины магнитного поля Земли в период закладки здания и может быть измерена с большой точностью.

Ученый попытается решить и обратную задачу — по остаточной намагниченности определить время постройки зданий. Возник вопрос: перестраивал ли после пожара Спасо-Преображенский собор, заложенный в 1740 году? Оказалось, что кирпичи, взятые из нескольких участков стен собора, от постройки до колоколки, обладают одинаковой остаточной намагниченностью, соответствующей времени его постройки. Следовательно, собор не перестраивался.

Археомегнетизм поможет ученым разгадать многие загадки древности.

В. ЛОМАНЬИ

КАК ПОЯВИЛСЯ КОНСЕРВЫ

В конце XVIII — начале XIX столетия среди наиболее авторитетных естествоиспытателей велся большой спор по вопросу самозарождения. Итальянец Спалланцани после нескольких десятков безуспешных попыток стерилизовать воду, в которой баранились твари, отрицать возможность самозарождения. Француз Биоффон доказывал обратное, аргументируя свое утверждение тем, что Спалланцани убивает посредством кипячения «еже новые живны». Как-то в этом часу разговорился также Швейбрюккер — родоком имени князя Христиана IV. Попадая на стол обед, бедоуг усматривал повар Франсуа Апперу. Занятый рассуждениями, Аппер прочитал все сочинения Биоффона и Спалланцани и сам начал проводить опыты. Конечно, проблема «самозарождения» мало волновала повара. Но он обнаружил, что приготовленная и положенная в плечико закатываемый в сосуд и горячим состоянием пищи не портится в течение довольно долгого времени. Так в десятках годах прошлого века смышлявший повар Апперу открыл, с небольшой помощью ученых, способ консервирования продуктов питания.

— В двух километрах от границы я увидел танки. А в витринах магазинов проваливались иргуши — самолеты «С-95». Макс высказался: «Сейчас Ливень прошел. С Рейна потянуло прохладой. Огромное солнце осторожно вылезло из-за тучи и тотчас же краем своим погрузилось за горизонт».

— В прошлом году мне многое удалось увидеть.— Макс откинулся в кресле.— Я решил совершить небольшое путешествие. Вышел на дорогу, прощитался и уже через два дня был в Италии. Оттуда, используя тот же «кавалерус», я перелетел в Египет, проехал по Северной Африке... Короче говоря, за время летних каникул побывал в Индии, проехал через Советский Союз. В Тбилиси даже специально отстоял от поезда, чтобы задержаться в вашей стране на один лишь день. Эта поездка по всему свету многое открыла мне. Приходилось ночевать на улице, в парках, с коноводными, со срочниками, с людьми, которые восторжествовали русские, которые восторжествали вам, не было только безразличных. Я видел русских и в Африке, и в Индии, ну и, конечно, у нас. И тогда я понял, почему нельзя относиться к вам равнодушно и безразлично.

В Астане я увидел, что русские могут работать, хотя их и не уважают, крутятся сутки. Во имя чего? Я понимаю, когда идет война, когда не хватает денег, когда, наконец, хочется кинуть машину. Это казалось непостижимым... И, может быть, когда я впервые говорил в то, что, если в ваше распоряжение предоставить весь мир, вы его переработаете так, как хотите. Ваши спутники и лунники воспринимались у нас как что-то сверхъестественное. Мне, например, казалось, что просто собрали несколько десятков часовых, посадили за решетку, заставили работать как сумасшедших и поощряли выплаты, когда они делают спутник. Им ничего не оставалось, как его сделать... Но в Астане я увидел, что русские, я ходил по вашим городам, я говорил с людьми. У нас, у немцев, основной чертой признаю акруратность, у вас — большое желание работать, словно кто-то и что-то подталкивает ваших людей. Я искал это что-то, не нашёл. Осталось это-то...

Из Тбилиси я ехал вместе с одним молодым парнем, который возвращался из отпуска в Казахстан, где работает в совхозе. Он рассказывал, что три года назад, до войны, добился права на работу ценнику. Там в общей сложности он стал получать всего на двадцать рублей больше, значит, его вкладил не деньги! Он сказал мне: «Я уехал из России в будущее. Много будущего?» — спросил я. «Коммунизм», — ответил он и добавил: — Да вам этого не понять...»

Его слова обидели меня. Впрочем, зря обидели. виноват был все-таки я сам. У того парня было будущее, впрочем, оно меня не привлекало, но у него было будущее, а у меня его нет. Это не пустые слова. Человеку нужно верить в завтра. Раньше им был бог, сейчас он ушел в прошлое. И я задумался, во что же верить? Во что? Я ощущаю универсальность, буду получать свои марки. У меня будет семья, дети. Ну, а дальше что? Я укрою, мои внуки забудут, что существовал Макс Циммер...

Заверил парочку, Макс зашел на часы. — Простите меня — сказал он — сейчас в студенческом клубе откроется дискуссия. Быть может, вы присоединитесь?

Университет — это маленькая республика. По крайней мере так считают сами студенты. И когда в стране происходят большие события, они собираются в клубе, чтобы обсудить их со своим студенческим коллективом. Если кто-то отходит от политический бурь, студенты спорят о любви, кинозвездах или о том, кто победит в будущем Олимпийских играх.

Мы появились в зале в тот момент, когда на трибуну поднялся не тот лаять, не тот шестой оратор.

Он говорил надого, но неустойно, почти истерично. Неокрепший баритон то и дело срывался. «Мир на грани катастрофы! — кричал он. — Война! Она неизбежна: она исцелит человеческие раны, она исправит несправедливость! Германия не может стоять в стороне! Германия не должна стоять в стороне!».

Зал неодобрительно гудел. И когда с задних рядов доносилось «правильно», раздались уничтожающий свист и гам. — Долгой! — неожиданно закричал Макс и начал протискиваться вперед. Он поднялся на трибуну. Зал постепенно успокоился. Было видно, что Макса знают.

Он начал говорить похорошею на рудине, вы знаете? — По залу расплылась настроенная тишина. — Я не знаю, но уверен, что в России, Франции, Египте, Югославии и других странах не меньше чем на рудине. Кто из нас хочет так снова сгинуть?... Немцы погибли на Волге, русские — на

Эльбе, американцы тонут в Тихом океане... Почему? Им не хватает места жить и умирать на своей родине! Хватает и хватит на тысячи лет. Мы были виноваты, что было два мировых войны, вы хотите третий, да? Тогда нас уже некому и нечем. Будет хоронить: атомная бомба уничтожит всех! Не сожалеящая на русских, они не хотят войны, никто из них не станет говорить, то что говорили элиты. Каждый русский мальчишка в то раз умнее его, потому что он хочет жить нормально, а не ходить зимой босиком...

Воскочила девушка и крикнула: — Но ведь русские хотят уничтожить Западную Германию, превратить ее в свою зону!

— Бросьте говорить ерунду! Русские признают ФРГ, а мы считаем Восточную Германию только оккупированной советской зоной. Почему же они не говорят, что Западная Германия — лишь временно оккупированная американская зона!

Зал превратился в ключущий водоверот. Макс резко, с сарказмом отвечал на реплики и вопросы...

— Так всегда, — прошептал мне Валерий Беднягиня — в разговоре с нами он пытается заупреждать, поставить в тупик, а когда происходит такая дискуссия, защищает нас. Парень пытается разозлиться в жизни. После таких дискуссий его даже дважды били...

— Кто? — Молодчики из профашинских организаций. Он не испугался...

Самолет уходил через час. Посаду еще не объявили. Я купил свежую газету и, устроившись в зале ожидания, начал их просматривать. Кто-то тронул меня за плечо. Я поднял голову и увидел Макса.

— Прикал прощиться, сказал он, — возвращаетесь, значит. На рудину всегда приятно возвращаться... Хорошей вам погоды, возможно, когда-нибудь встретимся.

— Когда-нибудь, да. Но, очевидно, то будет не скоро. Вряд ли в ближайшие время снова попаду в ФРГ. Теперь я мечтаю съездить в Германскую Демократическую Республику. — Ну что ж... Кто знает, может быть, там и встретимся.

КОЛОДЕЦ ИНТЕРЕСНОГО КРОТКО ИНТЕРЕСНО

ШИРОКОЭКРАННОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Широкоэкранное кино основано на том, что зрительные ощущения вызываются больше пространством, чем по вертикали.

А телевидение! 4:3 — так выражается соотношение между шириной и высотой экрана телевизора. При таком экране широкоформатный фильм не пострадает. Для этого нужно, чтобы соотношение ширины к высоте соответственно было 2:1. Широкий

экран особенно ценен при вступительных передачах со стадиона, площадей, из театров.

Для того чтобы увеличить формат кадра, достаточно установить два инспекла рядом друг с другом. При этом на экран телевизора каждый инспекл будет давать полную изобразяемость. Созданы опытные образцы промышленных широкоэкранных те-

левизионных установок с соотношением ширины к высоте 2,33:1 и 2,66:1.

В будущем, как сообщает журнал «Радио», появятся опытные телевизоры, сигналы которых будут приниматься экраном обычного и широкого форматов. Сигналы центральной части кадра (4:3) с полной четкостью будут приниматься на обычных экранах. Широкоформатные экраны с левой частью примут только специальные широкоэкранные установки.

МУРАВЬИНЫЙ ЯЗЫК

Следовые феромоны и феромоны тревоги — это всего лишь два класса из химического языка муравьев. Есть и другие вещества, которые побуждают муравьев к определенным действиям, например, к уходу за товарищами, к сбору и обмену пищи, обслуживанию «прироста», выкармливание молодых. Даже неугнетая муравьи выделяют феромоны. Первое время за мертвых муравьев «работают» ухаживают так же, как за живым. Их не случает? Не подпадают они и смертельная зона мертвца. Однако через день-два продукты гниения побуждают муравьев работать на муравьиные кладбища. Ученые, как сообщает журнал «Природа», провели такие опыты. Феромоны образуются при разложении муравья; свисающая жила муравья — это моча. Результат был один: их немедленно выносили на кладбище. Правда, раз-

моча муравья, ученые пришли к выводу, что такие насекомые общаются между собой весьма необычным языком. Слова этого «языка» — химические вещества, называемые феромонами. Пока известны лишь два типа феромонов: феромоны тревоги — и они помогают глубже понять организацию и деятельность муравьев.

Муравьиные «мертвечки» тут не бежали в муравейник, но их моментально выносили с собой последние настоящие «жества свертки». Ученые «словари» основаны пополнили новыми «словами» феромонов.

На каждый день мы плаваем под водой в Японском море и каждый день наблюдаем возмущающиеся заросли высоких водорослей, причудливые нагромождения камней, подводные ущелья и множество иных обитателей дна. Завершились, ежи, актинии сплошным морем покрывают камни. Не спеша переползают крабы, смугло краветки, проплывают рыбы. Кажется, что единственное их назначение — утверждение перваго — утверждение перваго — утверждение перваго. Но спешите сюда сбежать. Но спешите сюда сбежать. Но спешите сюда сбежать. Но спешите сюда сбежать. Но спешите сюда сбежать.

Актиний трудно принять за животных: расстуте щупальца, они удивительно напоминают цветы. Но стоит их задеть, как они тотчас втягивают щупальца внутрь, и тело актинии, сожмась, превращается в твердый комочек. Иногда актиний, недавно съевший, передирают. Многочисленные щупальца, окружающие рот, готовы оторваться особыми клетками с ядовитой жидкостью. Внутри их тон находится спирально свернутые, острые нити. Стоит коснуться щупалец, как нити распрямляются и, подобно мельчайшим отравленным стрелам, вонзаются в тело.

Ненютоны актиний искусно маскируются, зарываясь в песок или мелкую гальку. На поверхности виднеется только венчик. Велит по душной-никуда рачон, заденет щупальца — и через мгновение на месте трагедии можно заметить лишь небольшой бутончик. Вскоре из бутончика вновь показывается смерто-

носные щупальца, подирающие могут добить рачка. Среди круглых актиний — ветвистые — часто можно видеть бледных, малоподвижных крабов. Иногда они передвигаются по самим щупальцам — видимо, для актиний не опаснее, чем для человека. В случае опасности эти крабы заползают в щели между актиниями или прячутся под венчик. И затем, увидев глазами, безобидно поглядывают из своего укрытия.

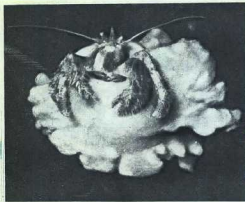
Воз опасения присосавшимся к щупальцам «зарывшимся» актиний и морские ежи длинные иглы — надежная защита. Интересно наблюдать за их передвижением: среди игл можно видеть ряды многочисленных трючатых ножек с присосави на конце. Выбрасывая их вперед и присасываясь к поверхности, еж затем сжимает ножки и подтягивает вперед все тело. Интересно, что ножки выполняют функции органов осзания и дыхания: через их тонкую кожу происходит газообмен. Можно сказать, что ежи дышат ножками.

Часто можно наблюдать, как ежи, особенно с морскими иглами, покрывают себя всевозможными предметами: листьями водорослей, нашествиями, створками раковин. В своих нардах они бьются очень выносливы, особенно под створками больших раковин, которые обычно венчают их сверху, напоминая нардыные щупальца.

Этот подводный маскарад — своеобразная оборона ежей. Острые иглы и крепкий известковый панцирь не всегда спасают ежей от врагов. Самые опасные среди них — морские звезды, их ближайшие родственники. Постепенно раздвигая и ломая иглы, они добираются

ТРАГЕДИИ МО

Ю. АСТАФЬЕВ

Фото автора
Рисунки А. БАБАНОВСКОГО

до отверстий в верхней или нижней части панциря и через него извлекают сочную мякоть. И от вина остается только белый известковый шарик — скелет, покойник на изданию ютайсую безвздушу.

Морские звезды, пожалуй, самые проноривные хищники на морском дне. Добычей им служат в основном малоподвижные животные. Причем для них существует даже такая величина, что не прокрадет через ротиков отверстие. Тогда они выворачивают моллюку наружу, обложивают им шертву и переваривают ее вне своего тела. Как всегда вступают в борьбу из-за добычи. Сцепившись лучами, они кажутся неподвижными, но в этот момент их вывер-

Обычно думают, что морские звезды — безобидные изящные существа. Но это не так. Посмотрите, в какой жестокой схватке сцепились они из-за добычи.

Рак-отшельник живет в морской губке. Губка сохранила очертания раковины, в которой поначалу поселился рак (фото слева внизу).

Кто бы мог подумать, что моллюски способны просверлить отверстия в раковине! Здесь запечатлен момент нападения хищных моллюсков на двустороннюю раковину.

нувшись жемудри борются, отсеныя друг друга до добычи.

Нападают звезды и на крупные раковины мидий и устриц. Это кажется просто невероятным — ведь устрице, с которой смыкаются створки раковины моллюска, так велики, что с трудом удается просунуть между ними лезвие ножа. Но звезда крепко присасывается кощели и затем начинает методично их сощещать. Створки приотрываются, и звезда вводит внутрь раковины свой моллючок.

Морские звезды не единственные враги двусторонних моллюсков. На дне почти всюду можно встретить круглых отверстий. Это работа хищных брюхоногих моллюсков. Магнитные улитки, живущие в спирально закрученных раковинах, обладают настоящим сверильным аппаратом — языком-радулой, усможенной мно-

жеством острых зубов. У некоторых из них эти зубы в полном смысле слова железные: они состоят из соединенной нелеза, в частности из магнетита (магнитного железняка).

Крепко присосавшись, подощави и раковине, хищные улитки начинают сверлить ее. Для того чтобы ускорить работу, многие из них смачивают в этой среде раковину серной кислотой, которую выделяют особые железы. Просверлив отверстие, улитка тем же языком размельчает и извлекает через отверстие мясо своей жертвы.

Ассюривные губки видят неподвижный образ жизни. Но часто можно видеть, как вокруг важная поросчатая губка бешит по дну, семени моллюшек. Дело в том, что они принадлежат гребенчатому — раку-отшельнику. Обычно отшельники живут в спирально закрученных раковинах, оставленных брюхоногими моллюсками. Гребенчатый рак в раковине, а позже на его dome распластается губка. Впрочем, можно предположить, что рак сам саммет ватную губку себе на раковину. Постепенно губка разрастается, охватывает раковину и затем растворяет ее своими выделениями. Разрастается дальше, губка, как бы заботится о сожителе, сохраняет спиральную форму полости и в ней раку-отшельник может прятать свое мягкое брюшко.

Такой сощительство выгодно обоим: губка получает возможность передвигаться по обильным подводным пещерам, рак же мущствует себя в полной безопасности, так как не находится вобитавей местной и невкусной губки.

...Изьнь морского дна неспокойна.

Этот морской скел жертвой сразу двух звезд.

Как Я сделал карьеру

РАССКАЗ

В студенческом клубе кончился урок танцев. Все понимали — надо идти по домам: экзамены на носу. Но свечи кинулись за окнами горели так неотступно и ярко, что у всех повладела разные озорные желанья и о серьезном не хотелось думать. Студенты, разбросав на дружеские комплименты, шутили и баллагурили.

На галерею вышел секретарь комсомольской организации факультета и с недоумением посмотрел вокруг.

— А домой мы сегодня не собираемся? — спросил он со своей обычной невозмутимостью и провала платяной по непокорным темно-русским волосам.

Инга бойко пропихнула ему на встречу и, выставив вперед, как в танце, ножку в красной туфельке, задорно бросила:

- Я не пойду!
- Как не пойдешь!
- Вот так. У меня минутная слабость.
- Вокруг засмьявились!
- У нас у всех минутная слабость.

Артур не нашел, что ответить, и смущенно улыбнулся.

— Вот ты вспомни! — сказала Инга, — была у тебя в жизни какая-нибудь минутная слабость? Только, чур, не выдаивать.

- Была, я думаю...
- Один или много раз?
- Не помню.
- А ты припомни!
- Это не так просто.

— А почему надо, чтобы было просто? Ты сам всегда говоришь, что не все в жизни должно быть легко.

Артур в замешательстве замолчал. Слишком часто последнее время Инга своими вопросами ставит его в затруднительное положение.

— А девушка ни капельки не смущалась. Подала Артуру стул и предложила:

- Сядь и рассказывай про какую-нибудь свою минутную слабость, и я даю слово, после этого мы разойдемся и примемся зубрить всю ночь напролет.
- Пришлось Артуру подчиниться. Он сел, и его окружили.
- Но это довольно длинная история...
- Ничего, чам минутная слабость длиннее, тем интереснее.
- Исторю можно назвать: «Как я делал карьеру».

Все притихли. Артур начал:

— Я поступил в институт, когда для студентов только что ввели обязательную производственную практику. На первых порах это было вообще не сложно, как всекое начинание. Но институтское начальство, ни студенты тогда не знали, как проводить практику. Каждый на свой страх и риск подыскивал себе что-нибудь. В Инге я поселился у своего дядюшки, который хвастал, что во всей столице нашей республики нет лучшего парникамера, чем он. Ему-то и удалось пристроить меня на работу. В его парникамерской кассирши в те дни вышла зануж и, сказав сослуживцам, всплеснул за свадебные подарки, понимая свое место за окешенной кассой.

Я стал кассиром парникамерской. Работа оказалась нелегкой, и между делом я умудрился довольно много читать. А мне именно это и нужно было. Только дядюшка довольно часто отрывал меня с шапками. Нам служили вышками крышам от флажков и под одеждою.

Чем больше времени парникамеры убивали за игрой в шашки, тем было очевиднее, что наше заведение неминуемо прогорит. И действительно, скоро все кончилось уведомлением, из траста, что нас закрывают на район. Мастера распределяли по другим парникамерским. А в нашей помещении после ремонта открылся магазин подарков.

И вот я остался без работы в самой середине зимы. Что я умел? Ничего путного. Меня нигде не хотели принимать. Тем более, когда слышали, что я студент. На одной фабрике директор прямо отказал:

— Рабочие-то нам нужны, но моя фабрика не детской сяд.

Я пробыл здесь без работы две недели, и однажды руководитель нашего курса предупредил меня:

— Артур Берзин, дальше так продолжаться не может. И тут меня снова обрадовал дядюшка. Вернувшись же-то из своей новой парникамерской, он объявил:

— Ну, скоро ты у меня станешь человеком! Я придумал, как тебе сделать карьеру.

В новой его парникамерской постоянным клиентом был директор фабрики сверточных инструментов Август Змилдис. Инженер с крупным именем, и фабрика его на фабрику, а отнынешняя лаборатория. Самые последние, самые современные машины — все поставлено на немую основу.

Дядюшкины описания были столь красочны, что мне захотелось тут же вскочить со стула, побомить и знаменитому инженеру и попроситься к нему на работу. Дядюшка почти силой удержал меня.

— Ты с ума сошел! Кто же так делает! Нет, ты действительно молодец, в этих вопросах. Твое счастье, что у тебя есть дядя. Мы прежде всего разрабатываем патенты.

Инженер — страстный рыбак. Каждую свободную минуту проводит на озере, а ведь нигде нельзя так сблизиться с хорошим человеком, как на рыбалке.

Дядюшка разлукам, куда инженер обычно ездит с удочками. В следующую субботу мы оба отправимся туда, и все произойдет как бы само собой.

Оставшие дни мы готовили снасти для ужения. Мы отбирали самые тонкие лесы, деревянные блесны, красили ящики и рукоятки пашей. Дядюшка это доставляло огромное наслаждение.

В субботу разыгралась бешеная метель. Но это бы еще подошло. Главным огорчением для дядюшки оказалось, что ему не дали на воскресенье выходного. Мой наставник ругал на все корни свое начальство и был в отчаянии. Однако внезапная беда делает работу мысли энергичнее, и общими усилиями мы сравнительно просто нашли выход. Я отправляюсь на озеро один.

Дядюшка поучал меня несколько часов без отдыха и закончил наставления тем, что подарил старей номер «Звезда», в нем был напечатан портрет инженера Августа Змилдиса.

Когда я вышел на нужной станции из вагона, короткий зимний день уже склонился к вечеру. Поезд тронулся дальше. Я остался на перроне один, и сразу же на меня нахлынул сумасшедший ветер. Он сбивал с ног. У раздвинувших я узнал кратчайшую дорогу и, подняв воротник полушубка, направился на базу.

Не знаю уж, как я добрался до нее. Хорошо помню только, что очень скоро убедился: давать карьеру не так-то легко.

В бесконечной борьбе с ветром я уже перестал соображать, куда брести, когда внезапно свозом бурею услышал негромкой, но отчетливо различимый шорох. Словою кто-то тер наждачной бумагой по стеклу. Я догадался, что это шелестит на ветру камыш. Значит, я на мое счастье, добрался до озера. Теперь выбирать направление стало легче. Надо было только не сбиваться в сторону от шуршащей камышовой заросли. Но продвигаться вперед стало нелегко труднее — нередко я по дуге проваливался в снег.

Не знаю, сильнее ли радуется изнемогающий от зноя и жажды путник в пустыне, увидев зеленый оазис, чем обрадовался я, когда наконец увидел инвентарный склад.

Я еще немало пробархатался в снегу, прежде чем наткнулся на поленицу, а потом — на утюг дома. Постучав в освещенное окно и став ждать. В доме кто-то зягмело, потом за дверью проворная недовольный голос:

- Кто-то несет на ночь глядя?
- Дверь проткрылась. В сенях стоял старик с небольшим фонарем, в накиннутом на плечи тулупчике.
- Кто же, кроме рыболова? — ответил я и вошел в сеню.
- И-нда, с сумасшедшими нужно только по-хорошему, — пробубнил старик и, пропустив меня, снова приоткрыл дверь задвижкой.

¹ «Звезда» — популярный иллюстрированный журнал.

Увидев груду вешей в углу, я понял, что пришла и цели и что ворчливый старик не кто иной, как старожил охотничьей и рыболовной станицы. Я вручил ему чашечку белогордого дядюшки, и старик, уже любезнее, провёл меня в комнату. Там он записал в большую книгу фамилию дядюшки и только после этого пустил меня дальше.

Открыл дверь, он громко объявил: «Эше одного нечестивый принес. — Это же одно нечестивый принес.»

Я вошёл в освещённую просторную комнату. За столом сидели два уже знакомых человека, занятые игрой в шахматы. Рядом с шахматной доской дымилась ставка с золотистыми чашами и стояла тарелка с бутербродами. Сразу видно было, что оба они люди крепкого племени, из тех, у кого, куда бы их ни забрасывала судьба, всегда все будет, как нужно. Эту способность мы часто встречали у бывалых солдат. Потом я узнал, что оба они действительно лично воевали в Отечественную войну.

Я поздоровался. В комнате было жарко и теплое, и я начал разоблащаться. Затем покачал головой. Игроки назвали себя, но у меня в ушах еще гудела ветер, и фамилий я не расслышал.

Тот, кто играл белыми, сказал: «Вот и хорошо. Я уж было подумал: никого больше не дождется.»

Затем оба опять погрузились в игру. В дверь просунулась голова старика. Он буркнул:

— Чью маждо?
— Показывать, если можно.

Вскоре и передо мной появился стакан чаю, над которым приятно вился пар.

Я мажор отключился и делал вид, что заинтересован ходом игры, хотя в шахматы смысла мало. На самом деле я не столько наблюдал за передвижениями фигур и ситуаций на доске, сколько приглядывался к обитам рыболовям. Я пытался вспомнить портрет в журнале и угадать, который из двух сидящих мне нужен. Они были очень похожи друг на друга, и оба напоминали портрет в журнале. Какой же настоящих, и настоящих ли вообще один из них?

Чтобы развеять сомнения, я потопирался допить свой чай и вышел на кухню за добавкой. Старик вышел около плиты.

— Простите, если не ошибюсь, один из товарищей за столом — знаменитый инженер Звемеликс?

— Тут не в чем ошибиться и не за что извиняться. Уже десятый год он сюда ездит. Никакая сила его не удержит. Как суббота, он тут как тут. Да... Это эше старей закваски человек...—отвятил старик, ставя чайник в духовку.

Когда я вернулся, шахматная партия была уже закончена и мои соседи по комнате не спеша готовились ко сну. Теперь, наблюдая за ними, я должен был быстро проанализировать все данные и прийти к точному выводу. На мое счастье, это было не очень трудно. На одном отличные светловолосый, а другой — а рыбацких сапогах, и тому же не первой молодости. В трех-четыре местах на них пестрели заплатки из красной резины. Груда первого облегал мягкой шерстяной свитер, синий с серым. Второй непосредственно стегал старомодную фуфайку из грубой деревенской шерсти.

Заплатки на сапогах и локтях красноречиво говорили мне, что завтра я должен держаться синя-серого свитера и чашки. И эше во время сражения в шахматы я заметил, что у одного из партнеров лицо чисто вымыто и усы аккуратно подстрижены, а у другого на подбородке неряшливо торчат щетины, а усы — также изобусало что-то. Было более чем ясно: он брится сам, а другого обрабатывал мой дядюшка — первый мастер Рик. Все это подтверждало и другие детали.

Успокоенный удачным решением столь важной проблемы, я улёгся спать.

Мои сновидения оборвались от прикосновения сильной руки, и чей-то голос надо мною громко сказал:

— Молодой человек, так вы просните самых крупных окуней!

Я открыл глаза и увидел волею своей койки светя-серые чешки. Затем хлопнула дверь, и я остался один. Если бы в тот день я участвовал в соревнованиях по скоростному оледнению, то, несомненно, побил бы рекорд. Выскочив во двор, я даже не обратил внимания, что за ночь ветер утих и воцарилась тишина эшого зимнего утра. Я только видел, что на тропинке к озеру, размазывая руками, о чем-то спорят мои спутники. Оче-

видно, они не могли решить, откуда начинать разведку. Но вскоре они разошлись в разные стороны. Да, это были настоящие рыболовы: они знали, чего хотели.

Естественно, я бросился за инженером Звемеликсом.

Я догнал его, когда он уже начал рубить лунку у камышей. Выбрал место на почетном расстоянии, я стал делать то же самое.

Я сбросил все свои вещи и работал, как машина.

Когда я опустил блесны в воду, инженер только кончал рубить лунку. И эше там на первом полове одного за другим парочку отменных окуней. Прошло немало времени, пока мне удалось выловить небольшого рыбешку, и то чернуку, как смела. Белоготого окуя. Мы потом недоумевали, откуда он тут вылез.

Вспомнив наставления дядюшки, я вскоре стал прибегать к хитрости: когда инженер вылезал, то инженер собирается перейти на другое место, я переставал блеснить и уходил farther. На новом месте я старался как можно скорее приготовить несколько лунки. Можете себе представить, как жил с меня пот!

Когда инженер подошёл к моим лункам, я предупредительно просил его попытаться и нех съездил. Смысла он отказался. Но я не отступал от него и даже стал уверять, будто в тех краях, откуда я родом, эше поверье: стоит другому поудить в твоей лунке, как у тебя начнет лучше ловиться.

Я с воодушевлением ботвал все, что приходило в голову.

Инженер, слова, как-то странно подглядывала на меня, но под конец он согласился. Ура! Я победил, я начал делать карьеру! Потом он все время блеснил в моих лунках. Дням распогодилось. Ура! Засияло солнце.

Снежный покров свернул, точно серферю. А я все трудился над лунками.

В полдень солнце стало особенно жарким, и полублужби только обрел. Потому что делал за него я. Личик его стал довольно тяжелым от крупных окуней, и я каждый раз, когда мы переходили на новое место, старался забрать его у инженера.

Теперь эше можно точно по расчетам моего дядюшки. Разумеется, я в этот день остался без улова, но зато мой будущий начальник мог быть вполне доволен. Вскоре он даже сделал разговорчик. Если ему попалась мелкий окуней, он бросал его в щип, приговаривая:

«Пустым кредькомом, не мешайся, но червачка заморить можно. Я осмелил и спросил его, откуда это изречение. Он объяснил:

— Когда мой отец, ирээнский исполнитель, возвращался домой с ярмарки, он всегда привозил нам, детям, вкусные влажные постные кредьки. Размазывая сосиску матери, а которую обычно были заворачивать постные, он говорил: «Пустым кредькомом не мешайся, но червачка заморить можно.»»

Подражал будущему начальнику, я тоже, любяма какой-нибудь маленького окунейку, начал приговаривать то же самое. Мне, правда, редко вело на что-нибудь крупное и постного кредька.

Но как мне удалось, и я с каждым часом эше больше завоевывал расположение.

Солнечный зимний день близился к концу. Начало смеркаться. Мы съехали лес и собиравшись возвращаться на базу.

Я старался шагать в ногу со своим спутником и соображал, как в дальнейшей реализовать задуманные ходы. Видимо, инженер уже давно стал кое-что примечать, но разговорный перешел:

— Вы хотите что-то сказать мне?

— Нет, но я всегда готов говорить с вами.

— О чем же?

— Ну, хотя бы о вашей фабрике.

— ОУ это на великопеленый завод!

— Я знаю.

— Ну что же этого не знает?

— Наверное, очень трудно быть директором на таком предприятии!

— Должно быть, нелегко.

— Вам, как директору, это хорошо известно.

Мой инженер остановился.

— Вы эше шутите?

— Я тоже остановился.

— Почему? Ведь вы директор фабрики инженер Звемеликс! — спросил я уже с травой в гоносе.

— Я старался шагать в ногу со своим спутником и соображал, как в дальнейшей реализовать задуманные ходы. Видимо, инженер уже давно стал кое-что примечать, но разговорный перешел: — И Петерис свил своей увесистой кулак.

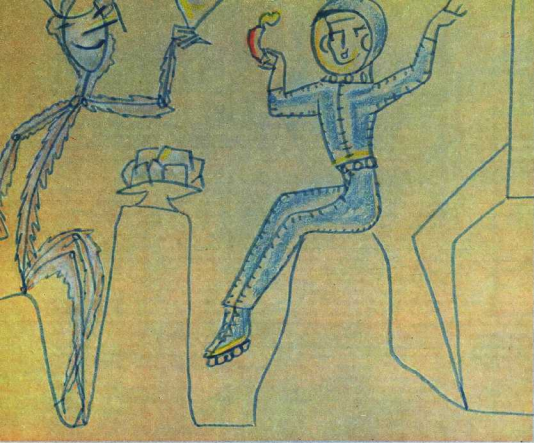
На базу мы вернулись уже этёмно. Пришел с озером и директор, но мне эше не пришлось с ним поговорить: мы едва успели на последний полав.

— И чем же все кончилось? — спросил кто-то.

— Через несколько месяцев я стал уже полноправным слесарем. Так началось моя настоящая, без всяких обходных путей карьера.

Перевод с латышского
Хрис. ХЕРСОНИО.

Рисунки Г. НОВОМИЛОВА

Прозвенел звонок, и шумная ватага ребят высочилась из школы во двор. Невысокая девочка, с тонкими косичками и темными, чуть раскосыми глазами, отошла в сторону, стала чертить по земле тонким прутиком.

— Надя, — позвал кто-то из подружек, — нарисуй что-нибудь.

Девочка тихо спросила: — А что нарисовать?

— Что хочешь.

— Я нарисую про космос, ладно?.

Прошло несколько секунд, и на песчаной дорожке появилась смешная и трогательная сцена, изображающая первую встречу советского космонавта с жителями Марса.

Ребята от радости закричали в ладоши. Им очень понравился рисунок.

Надя Русева родилась в Улан-Баторе, где в 1952 году находились ее родители.

Вскоре с отцом-художником и матерью-балериной девочку привезла в Москву. В 1957 году, когда ей было всего лишь пять лет, она впервые познакомилась с красками и кистью. Однако ее рисунки того времени ничем не отличались от рисунков сверстниц. Но уже через не-

сколько лет в них все чаще можно было заметить строгость и пластичность линий, почувствовать настроение и динамику.

Отец Нади Николай Константинович Русев часто пользовался в своей работе авторучкой или фломастером. Попробовала рисовать ими и Надя. И с тех пор до сегодняшнего дня они стали ее неразлучными друзьями.

Преподаватель рисования в школе, отец дома тонко и осторожно направлял творчество Нади, стремились развить в ней наблюдательность, водили в музеи и картинные галереи. Надя с интересом приглядывалась и жилам, и людям, впитывала в себя новые впечатления. Оттого-то, видимо, рисунки ее и становились день ото дня все более совершенными. Каждый человек в изображении Нади обладал своим лицом, своим характером, своими манерами, своим настроением. Чувствовался своеобразный творческий почерк.

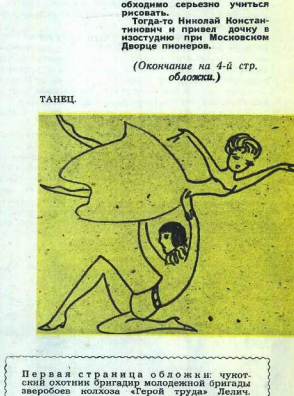
Каждому из Николай Константинович показал работы дочери товарищам художникам на телевидении. Хотелось проверить свое мнение. Кослеги в один голос заявили:

у девочки, безусловно, большие способности. Ей необходимо серьезно учиться рисовать.

Тогда-то Николай Константинович и привез дочку в институт при Московском Доме пионеров.

(Окончание на 4-й стр. обложки.)

„Я НАРИСУЮ ПРО КОСМОС..“

ТАНЕЦ.

Первая страница обложки: художник охотник бригадир молодежной бригады завербован колхозом «Лески».

Фото В. ГИППЕНРЕЙТЕРА.

УДИВЛЯЮСЬ, ГЛЯдя НА ЗАНАВЕСИ

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-47, Бумажный пр., 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок — Д 3-30-67; отдел литературы и искусства — В 8-61-63; отдел чернил и публикаций — Д 3-31-05; международная линия — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-30-67; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-69; информации — Д 3-31-69; оформления — Д 3-31-31.

Главный редактор В. М. Самохин.

Редакторы: Ю. Н. Ворченко, Е. А. Домостовский, К. Н. Замощин, Е. И. Иванов [заместитель главного редактора], В. А. Кочетов, Б. П. Кравский [ответственный секретарь], Е. И. Рибчинский, А. Б. Стуков.

Оформление В. Соколова.

Технический редактор Н. Вудина.

А. 01815. Подписано к печати 9/У 1964 г.
Тираж 1 000 000 экз. Над. № 942.
Заказ № 1139. Формат бумаги 70 х 108/16.
2 бум. л.—5,48 печ. л.

Орден Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, ул. «Правды», 24

Рукописи не возвращаются.

В сопровождении фортепиано. № 100/

ПЕРВЫМИ ВСЕГДА

Музыка Леонида ПЕЧИКОВА

Слова Юрия ЛЕДНЕВА

Мы жить, друзья, привыкли, как кочевники.
 Нам выпало первыми всегда
 Ходить в бой, садиться за учебник
 И отправляться строить города.

Мы жгли города, крылатые, багровые,
 Чтоб на ветру ладони отогреть.
 Мы вместе землю подымали новые,
 Чтоб на полях хлебом высоким зреть.

Дарили песни нам друзья веселые,
 Звезела в лад гитарная струна.
 На наших свадьбах пела комсомолка,
 А нам казалося — пела вся страна.

Прочтается дядя, но песни те же самые
 Опять подхватит буря голосом...
 У нас в глазах есть искорки упрямые
 От тех живых, негаснущих костров.

КРОССВОРД

Составил И. ШИРОКИЯ,
 пос. Вологга, Архангельской области.

По горизонтали:

- Советский мощный танкер.
- Песня А. Пахмутовой.
- Звание, присуждаемое за выдающиеся заслуги в науке, искусстве.
- Английский физик, один из создателей квантовой теории, член Академии наук СССР.
- Инструмент для обработки металла.
- Озеро в Южной Америке.
- Отрезок прямой, соединяющий точку окружности с центром.
- Наука о законах мышления.
- Денежная единица Финляндии.
- Область Древней Греции.
- Космическое тело.
- Сорт зимних яблок.
- Находчивость, сообразительность.
- Искренность, употребляемая для изготовления красителей.
- Город в Эстонии.
- Русский поэт.
- Таджикский советский писатель.
- Керамическое изделие.
- Город в Белоруссии.
- Дикий утка.
- Специальная лента в футболе, употребляемая для измерений.
- Горная вершина в Болонии.
- Чертежный инструмент.

По вертикали:

- Морской пушной зверь.
- Советский гротмейстер.
- Английская общественная деятельница, лауреат международной Ленинской премии.
- Государство в Африке.
- Воинское звание.
- Птица семейства фазановых.
- Хищная рыбка.
- Перевалница для птиц, частенько.
- Помощник профессора.
- Международные спортивные соревнования.
- Герой Севастопольской обороны 1854—1855 годов.
- Город в Ленинградской области.
- Один из вождей французской революции конца XVIII вена.
- Французский писатель, автор романа «Рыбинин».
- Название гор в Средней Азии.
- Рема на острове Хоккайдо в Японии.
- Один из павс П. К. Чаковского «Времена года».
- Действующий вулкан в Японии.
- Оптический прибор.
- Спутник Юпитера.
- Писатель А. П. Чехова.
- Русский кривошер, героически сражавшийся во время русско-японской войны.
- Птица, обитающая вблизи воды.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫХ В № 9

По горизонтали:

- Салават.
- Ферганга.
- Острва.
- Корк.
- Рига.
- Куща.
- Турин.
- Нарва.
- Импери.
- Курен.
- Мостино.
- Колонна.
- Вильгельм.
- Адам.
- Пройт.
- Пария.
- Балта.
- Пенинг.
- Дубина.
- Оран.
- Шуша.
- Сольнон.
- Витебск.
- Алшабад.

По вертикали:

- Розно.
- Хорог.
- Камышин.
- Инсбрук.
- Токно.
- Фарал.
- Тамшино.
- Ангард.
- Алтай.
- Армари.
- Сялкот.
- Лянца.
- Алдан.
- Стам-Оуд.
- Аидидан.
- Икитан.
- Брно.
- Два.
- Алба-сарь.
- Минск.
- Куща.
- Рабат.
- Шахты.

ГЕРОИ ДЖАННИ РОДАРИ.

Говорят, что талант — это бесконечная способность трудиться. Нада обладает редкостью для ее возраста трудолюбием и увлеченностью, рисует так много, что, честно говоря, скоро ей некуда будет складывать свои работы. Дома у нее в многочисленных папках хранится более пяти тысяч рисунков, сотни — во Дворце пионеров, десятки путешествуют за границы с выставками детского творчества. С работами юной художницы познакомилась жюри Германской Демократической Республики и Италии, Японии и Соединенных Штатов Америки. Рисунки девочки вызывают неизменный интерес.

Как-то Московский Дворец пионеров посетила американская рабочая делегация. В одном из холлов Дворца члены делегации обнаружили выставку детских рисунков, долго разглядывали работы ребят. Внезапно затолпились на рисунок Нади Рушевой.

— Кто автор? — спросили они с несрывающимся интересом.

— Девочка, школьница. Американцы доверчиво переглянулись. По их лицам трудно было понять, что они не очень поверили в это. Они утверждали, что рисунки Нади по манере и стилю напоминают рисунки знаменитого сочетен-
ственника художника Стейн-
берга. Талант московской пионерки произвел на них большое впечатление.

И еще об одном памятном событии в жизни Нади нельзя не рассказать — о встрече с любимым детворой итальянским писателем-сказочником Джанни Родари.

В декабре прошлого года веселый итальянец приехал в гости в московские пионеры во Дворец. Здесь-то ему и показали многочисленные иллюстрации Нади Рушевой к его сказке о Чиполлино. Джанни Родари пришел в восторг; хохотал над смешными сценками, мастерами выполненными юной художницей. Писатель крепко пожал тонкую Надину ладошку, улыбнулся, потом при-

сел на краешек стула, достал авторучку и в левом уголке одиноко нарисованной девушки написал по-итальянски: «Браво, Нади, браво!» Вот, пожалуй, и все, что мне хотелось рассказать о воспоминании Нади Рушевой. И этому остается добавить совсем немного. Сейчас девочке одиннадцать лет. Она учится в пятом классе БСШ Московской школы. Как и все дети, любит учиться на коньках и играть в настольный теннис. Но больше всего на свете она любит рисовать.

Ю. БЕАЛЬЮН

ВЕСЕЛЫЕ ФАНТАЗИИ.

И ПРИЛЕТЕЛА НА МАРС.

